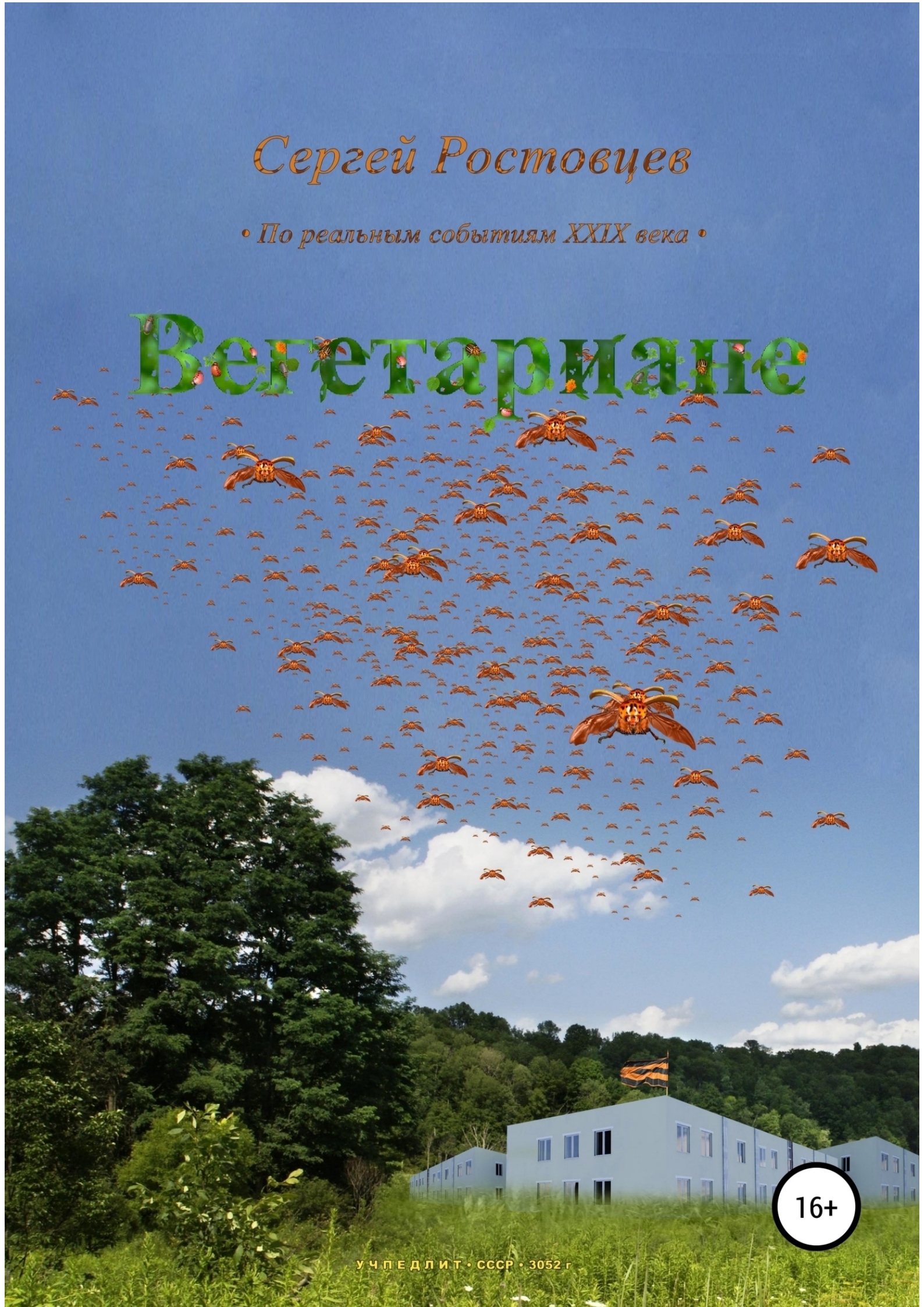

Сергей Ростовцев

• По реальным событиям XXIX века •

Вегетариане

16+

Сергей Ростовцев

Вегетариане

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Ростовцев С. Ю.

Вегетариане / С. Ю. Ростовцев — «ЛитРес: Самиздат», 2001

ISBN 978-5-532-04518-7

В 29 веке учёные клонировали людей, кожа которых имела хлорофилл — вегетариан, питавшихся исключительно солнечным светом. Это было экономически и экологически выгодно. Но оказалось, вегетарианам люди не нужны. Люди едят животных и растения, а вегетариане, как растения, называли людей вампирами и каннибалами, убивающими ради насыщения. Этот конфликт людей и вегетариан привёл к войне. Вегетариане тайно, по всей Земле, провели акцию принудительного перевоплощения плотоядного человека в растение. Если забыли как это кончилось, читайте далее литературную реконструкцию.

ISBN 978-5-532-04518-7

© Ростовцев С. Ю., 2001
© ЛитРес: Самиздат, 2001

Содержание

Предисловие	5
Пролог	6
Голубой океан	7
Часть первая	10
Вегетариане	10
Решение одно	15
Стратегическое направление	19
Город	23
К морю	29
Разведчики Североморска	36
Полёт с интригой	38
Химки	42
Удача в Химках	44
Старое оружие	51
Мусорные пакеты над Белым морем	55
Североморск	57
Мурманск	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Предисловие

Книга «Вегетариане» описывает приключения немолодого служащего Земли жившего в 29 веке, и попавшего вместе со всеми землянами, в рукотворную катастрофу.

Герой повествования был непредставимо упрям, оптимистичен и невероятно удачлив.

Происходившая катастрофа была результатом глупости самой цивилизацией людей, и имя её – ВЕГЕТАРИАНЕ.

Вегетариане, были созданы, как генетически модифицированные люди, кожа которых имела хлорофилл, что позволяло вегетарианам питаться исключительно солнечным светом.

Но их популяция от поколения к поколению деградировала, и вегетариане опасались, что через некоторое количество поколений их потомки будут использованы, как белковый корм для демографически растущего человечества. А в плотоядных людях они не нуждались.

Отождествляя себя с растениями, вегетариане называли обычных людей вампирами и каннибалами, убивающими ради насыщения животных и растения.

Решали, вегетариане, свои проблемы, радикально.

С помощью технологий того времени, они нашли способ остановить репродуктивную и питательную функции всех плотоядных людей. Возможные жертвы среди плотоядного населения, при воплощении этого, их мало волновали.

Вегетариане, тайно подготовили и одновременно на всей планете, провели акцию принудительного перевоплощения плотоядного человека в растение, назвав эту акцию – «ВЕГЕТАРИЗАЦИЯ».

Если вы не помните, чем это всё закончилось, и какую роль сыграл в этом оптимистичный упрямец, читайте далее литературную реконструкцию.

Пролог

Это был обычный короткий день конца апреля 2873 года.

Светило солнце и через открытые окна пахло весной.

Сергей сидел в кресле и перелистывал голограммы последних новостей ихтиологического журнала.

Его, дочь, Юлия, которой пару недель назад исполнилось восемь, заняла большой Информер и играла в какую-то свою игру. Кажется, это была «Цивилизация».

Его сын Давид, обсуждал с кем-то по коннекту новую электронную схему, какой-то системы создания и усиления запахов.

Жены Сергея, Натальи, еще не было дома, хотя приближалось время обеда.

– Пап! А почему нет мамы? – спросила его Юля.

– Мама скоро придёт. Ты проголодалась?

– Я соскучилась. Она всю неделю приходит поздно – сказала Юля обиженно.

Сергей связался с женой по коннекту.

– Любимая! Ты, когда придёшь? Твоя дочь уже соскучилась.

– Я заканчиваю. Ещё минут десять. Поцелуй Юлю и скажи, что мама её очень любит.

– Ладно.

Сергей отключился.

– Юля! Мама скоро будет и сказала тебе передать, что она тебя очень любит.

– Спасибо!

Сергей продолжал листать ленту ихтиологического журнала, когда в их квартиру неожиданно вошли.

Сергей увидел своего друга юности, вегетарианина Тарки, и ещё четверых, незнакомых вегетариан. Вообще о визите обычно договаривались.

– Привет! Давно тебя не видел.

– Сергей Александрович Лукьянов, Вы арестованы по подозрению в экологическом преступлении.

– Тарки, ты что? Какое преступление?

– Отдайте коннект и протяните руки вперёд. Рекомендую не оказывать сопротивление, что может усугубить Вашу вину.

Сергей вынул из уха коннект и протянул руки. Руки тут же закрыли пластиковой петлёй.

Ситуация выглядела бы комичной, если бы не была такой идиотской.

Сергея отвели вниз и посадили в закрытую платформу, где уже находилась около пятидесяти взрослых плотоядных людей и дети. У всех руки были скручены пластиковыми петлями.

Через две минуты в платформу ввели его сына и дочь, со скрученными руками.

Сергей, да и никто в платформе не понимал, что происходит. На их вопросы никто, из охранявших их вегетариан, не отвечал.

Голубой океан

Сергей испытывал ужас, многократно умноженный на беспомощность и боль. Он чувствовал себя букашкой, пришипленной к бревну и облитой кипятком. Он задышался, но не мог ни задохнуться, ни умереть.

Нет, он не сдавался. Он не старался и не пытался умереть. Просто не мог.

Он вспоминал когда-то в юности сказанную им хвастливую фразу: «Если я окажусь посередине Тихого океана без чего-либо, кроме рук, я буду плыть – уверенный, что доплыву». Говорил он её хвастливо при окружавших его девочках в противовес сказанному одним из парней компании утверждению: «Когда ты бессилен что-либо сделать, быстрый конец – не самый худший выход».

А сейчас боль, ужас, беспомощность и стыд. Стыд за то, что так глупо всё кончается. Что отправленные на казнь, как и он сам, плотоядные люди слышали, что он друг их общего палача. А ведь он и был его другом. Неужели никакой надежды освободиться и оправдаться?

Он напряжённо, несмотря на боль, искал способ освободиться и позабывтая, сказанная когда-то и выловленная в уголке памяти фраза тлела голубым светлячком в этом красном океане ужаса и боли.

– Океан. Голубой океан. – мысленно повторял Сергей в те секунды, когда казалось, что боль становится меньше.

Он знал, что сидит на земле, привязанный к вбитому в землю тонкому металлическому столбику, голый и весь обмотанный плёнкой, несущей ему весь этот кошмар.

Он пытался раскачать столбик, вытащить его из земли вместе с собой своим раскачиванием. Ничего не выходило.

Он раз за разом ощупывал доступные его рукам сантиметры пластикового жгута, которым он был прикручен к столбику.

Нужно найти любую неоднородность.

У самого края жгута ему показалось некоторое утолщение. Он давил на утолщение, мямл его, потом опять растягивал в стороны и опять мямл. Потом опять раскачивался, пытаясь раскачать столбик. Так проходили часы, но он не сдавался.

– Океан. Голубой океан. – Твердил он себе.

Наконец он почувствовал, что утолщение жгута расходится на тонкие пластиковые нити.

Он сосредоточился на этом. Боль не стала меньше, но он уже не обращал на неё внимания. Он привыкал к боли, и даже решил полюбить её.

Голубой океан должен был залить, затопить этот пылающий Ад.

Сначала от утолщения отделилась одна нить, потом другая... Уходили часы на то, чтобы одну за другой рвать эти нити. Руки немели и, наверное, были изодраны, но он не сдавался. Он уже ликовал. Красный ад отступал и через сутки, преодолевая жжение волдырящейся кожи, освободившийся от пут, он с беззвучным криком окровавленными пальцами срывал наклеенную на его кожу тонкую плёнку.

Или небо было алым, или он его таким видел, было уже неважно.

Он очистил лицо и смог полностью открыть глаза. Пришло время осмотреться. Было почти темно. Вегетариан нигде видно не было. На окружавшем его поле, к столбикам были привязаны такие же как он плотоядные люди. Сотни людей.

Некоторые шевелились и стонали.

Кроме него не освободился никто.

Найдя на земле подходящий камень, он начал освобождать ближайших к нему людей, рубя камнем пластиковые жгуты.

Некоторые из тех, кого он освобождал, ещё некоторое время продолжали сидеть, некоторые поднимались сразу, срывали с себя плёнку и тоже начинали освобождать других привязанных к столбикам.

Плотоядные люди освобождались от хлорофилловой плёнки, в которую были вклеены вегетарианцами.

Всё делалось тихо. Хотя никого из тех, кого они могли бояться, рядом не было. Их никто не охранял.

Ну и слава богу.

Освобождая очередных пленников, Сергей искал взглядом кого-нибудь из своей семьи.

Сначала обнаружилась его старшая дочь Марго. Она тоже оказалась здесь, и кто-то её уже освободил. Они взглянули друг на друга с расстояния метров пятьдесят. Затем Марго показала рукой на опушку леса, который виднелся на севере, и сама начала двигаться на северо-восток, освобождая людей. Впрочем, к столбикам оказались привязаны кроме людей несколько обритух собак. Собак тоже освободили, и они тихо, как будто всё понимая, ходили рядом.

Потом нашёлся его сын Давид. Он некоторое время сидел у столбика, не вставая, и Сергей уже хотел прийти ему на помощь, но он встал и сделал отмашку: дескать, сам справлюсь.

Когда было уже совсем темно и руки онемели до бесчувствия, а спина болела невероятно, Сергей сам наткнулся на свою младшую дочь Юлю. Он осторожно разрубил пластиковые путы. Освободив её от пленки, он взял её на руки и поцеловал.

– У меня всё болит. Где мама? – прошептала ему на ухо тихо плачущая девочка.

– Потом, маленькая. Мы справимся. Потерпи немного, – отвечал Сергей, стараясь, сдерживать рыдание.

Когда все столбики были свободны. Пошли к лесу.

Места были незнакомы, но это был старый Новомосковский лес вблизи их родного Екатеринослава.

В лесу, кроме его жены Натальи, собралась вся его семья: трое его детей. Где Наталья, он не знал, и узнать сейчас было уже невозможно. Где она? На каких столбиках?

Многие вошедшие в лес люди стонали и плакали.

Все уже знали, кто освободился первым. Но сейчас было не до благодарностей.

Боль была снаружи и внутри у всех. И страх.

А что если вегетариане их опять поймают и опять привяжут к столбикам?

Они все изменились. Они были совершенно другими, чем те, кого некоторое время назад, арестовали за экологическое преступление. Арестовали за то, что они жили.

Они шли по-весеннему, ещё холодному лесу. Было полнолуние: небо было чистым и было достаточно светло.

Они уходили по лесу на север. Там лес был более диким.

Сергей шёл, прижав к себе Юлю, пытаясь хоть немного её согреть. Мучила жажда, а голода он не чувствовал, но что-то нужно было есть?

Утром они будут собирать разные плоды, шишки, грибы. Охотиться? Хотя, как им, голым, безоружным и совсем не подготовленным к этому людям, охотиться? Они сами дичь.

И куда потом?

Они шли и шли.

Светало.

На большинстве деревьев уже появились зелёные листики, но были и деревья, на которых салатные почки только взорвались своей вешней силой и выбросили белые цветы.

Сейчас было не до любования природой, но не заметить этой пробудившейся силы было невозможно.

Они шли мокрыми ложбинами, балками и по уже высохшим от стаявшего снега откосам холмов, покрытых низкорослыми деревьями и сухими прошлогодними травами

Попал бы сюда по работе месяц назад, увлекся бы этой таинственностью.

Он нечасто бывал в лесу, но когда выдавался случай, он не торопился, а долго и низко летел на своем септалёте вдоль какой-нибудь балки, словно хотел отыскать там какой-нибудь клад вроде свалки старых компьютеров или избышки бабы Яги. Но когда ГЛОНАСС начинал ругаться, он ставил управление на автопилот и благополучно добирался до нужного места.

А сейчас холод и жажда не давали ему никакой возможности полюбоваться весной новороссийского леса.

Стадо плотоядных людей, ещё недавно бывшее цивилизованным обществом, инстинктивно, не сговариваясь, уходя от места казни, шло на север.

Вегетарианам на севере не хватало солнца.

Ну и где тот север? Они-то находились рядом с Днепром, почти на самом юге России.

Часть первая

Вегетариане

Началось это безобразие с вегетарианами лет за 50 до рождения Сергея. То есть около века назад. Учёные клонировали первого вегетарианина. Для этого брали отборную генетику, неиспорченную геном модифицированием, якобы избавлявшим от болезней. Попыты по клонированию людей проводились и раньше, но клонированные «эйнштейны» становились посредственными бухгалтерами, средними музыкантами и почему-то никогда – талантливыми физиками. Но демографическая политика (два ребёнка на женщину) не давала развернуться этим опытам. Но в генах клона вегетариан, определявших свойства кожи, были сделаны изменения, позволяющие клеткам кожи содержать хлоропласты и давать организму энергию от солнечного света и кислород атмосфере.

Но попробовали на животных.

Коровы питались солнечным светом? Но молока оказалось мало, и оно было с алкалоидами.

Очистка молока дорого стоила. Мясо было съедобно, но по качеству и цене уступало клеточным культурам напрямую клонированного мяса.

Но учёные, занимавшиеся клонированием, хотели работать и не терять свои привилегии.

Тогда и придумали клонирование вегетариан.

Вегетариан сначала даже называли людьми эконом-класса. Но потом, когда первые вегетариане подросли решили, что это неполиткорректно.

А название «вегетариане» прижилось.

Эксперимент превзошёл все ожидания. Первые клонированные вегетариане были красивы, чрезвычайно умны, сильны, миролюбивы и не нуждались в обычном питании.

Развивались вегетариане несколько быстрее людей, а ресурсы только увеличивали. Поэтому демографическая политика их не касалась.

В начале, между вегетарианами и плотоядными людьми случались связи. Но все дети, рождённые от этих связей, умирали, а потом пришёл вирус VIKaPEKle, который разрушал у плотоядных людей системы, ответственные за кислородное питание клеток.

Он никаким путём не передавался и угрожал только тем, у кого была связь с вегетарианами.

Тогда и была разработана проклятая плёнка. Но тогда она продлевала жизнь больным. Вирус не победили и связи между плотоядными людьми и вегетарианами были запрещены.

А клонированными вегетарианами, для создания которых были созданы специальные фабрики, стали заселять Землю.

Цивилизация вошла в золотой век. Голода не стало, интенсивно развивалась наука.

Появились рождённые, а не клонированные вегетариане. Их называли вегетарианами первого поколения. Население Земли достигло всё-таки двадцати миллиардов жителей, но миллиард из них были вегетарианами.

У Сергея был друг, вегетарианин Тарки. Они вместе учились в колледже биологических наук. Сергей со своей первой женой Еленой и подругой Тарки, Беллой, часто отправлялись в путешествия.

Общение было интеллектуальным.

Однажды, когда они, возле небольшой реденькой рощицы, весёлой компанией загорали у ручья, Сергей даже «спас» Тарки.

Тарки, задремав на весеннем солнышке и повернувшись во сне, скатился с подстилки в муравейник, которого, когда они располагались, никто не заметил.

– Ааааа! – истошно орал Тарки, когда муравьи полезли по его телу.

Оказалось, что кожа у вегетариан воспринимала муравьёв совсем иначе, чем кожа плотоядных людей. А от жуткого крика все как будто остолбенели, и только Сергей, не растерявшись, схватил Тарки в охапку и бросил его в ручей.

– Спасибо! – сказал оторопевший Тарки и долго боялся выйти на берег, пока маленькие рыбки не стали щипать его за ноги.

Вообще-то эти рыбёшки щипали всё и всех. Но Тарки после встречи с муравьями был очень напуган. Он выскочил на берег в такой же истерике, как и боялся на него выходить.

Больше всего, как понял Сергей потом, все вегетариане страдают фагофобией – боязнию, что их кто-то будет есть.

Потом пути их разошлись. Тарки вошёл в систему экологического порядка.

А жизнь Сергея, до произошедшего на столбиках была спокойной и скучноватой. Когда он был юношей, он занимался многими видами спорта, и один из его тренеров, когда у него чего-то не получалось, объяснил ему, что тренировка даст получиться всему. Эта мысль, странно понятая, легла на характер Сергея, как матрица. Он как будто тренировался во всём, пробовал и искал. Те, кто занимались чем-то одним, достигали результатов. А у Сергея было ощущение, что вот-вот он найдёт своё место, и начнётся настоящая жизнь. А жизнь шла.

Жизнь шла, и шла нормально. Такие, как он, тоже были нужны. Но никаких высот он не добился. Зато на место, которое он занимал, конкуренции не было. Это было весьма среднее место по значимости, но оно давало Сергею некоторую независимость.

У него были сотни гипотез и теорий, но ни одной научной работы он так и не защитил. Его идеями пользовались другие. «Ну и фиг с ним», – думал Сергей. Его сокурсники получали места, равные по рангу администраторам седьмого и даже шестого уровня, становились завлабами и зав. кафедрами, а он всё мечтал и ждал, когда же начнётся жизнь.

А когда понял, что она давно идет... Это когда его оставила первая жена, он махнул на это рукой и лениво ушел в ихтиологию и экологию водоёмов. А это была работа в лаборатории и на местности.

Он летал к водоёмам и иногда целую неделю проводил у какого-то озера.

Теперь его основными мечтами о реальной жизни был отдых в тех местах, которые он любил и мог позволить себе по своему статусу, вернее, по статусу своей семьи. А любил он восточный Крым в августе. И мечтал как-нибудь добраться до Израиля или Египта.

Вторая его жена была врачом. Она была честолюбива, и всё время хотела чего-то большего. Но большего не было и не намечалось. И вся её разница с Сергеем была в том, что он радовался всему что есть, а она всегда была чем-то недовольна. «Таковы женщины». – думал Сергей. – Зато у нас красивые и умные дети».

Но, даже боясь себе в этом признаться, он всё равно ждал, когда же начнётся эта его, настоящая, жизнь. И может не так упрямо рвал бы путы, которыми был привязан к столбику, если бы она, его жизнь, состоялась. А так...

Но к тому времени, когда он, по его же выражению, «сложил лапки в поисках своей судьбы», клонированием вегетариан больше не занимались. Вегетариане размножались естественным путём. А те институты, исследователи, учёные передовых направлений человеческой цивилизации, до того занимавшиеся клонированием вегетариан, занялись другим, казалось ещё более перспективным направлением. Им, этим ученым, выделялись средства, чины и связанные с ними жизненные блага. Им была поставлена задача создания вида гуманоидов, способных существовать в открытом космосе. То есть питание они должны были получать, как вегетариане. Но лёгких и длинной кровеносной системы, которая могла быть разорвана разницей потенциалов давления в пустоте, быть не должно. Не должно было существовать никаких

полостей, которые могли быть разорваны перепадом давления. Это должны были быть мыслящие «кактусы» с головой и руками. Лучше с четырьмя. Нужно было по-настоящему освоить космос. Решили создать себе такого космического симбионта эконом-класса.

При этом вопрос, какая польза вегетарианам или будущим космическим «-анам» от людей, даже не ставился. Все верили, что раз мы их создатели, значит, они будут с нами сотрудничать.

Сергей никому не завидовал. А кому завидовать, если ты гений? А он считал себя таким. Его не спрашивали, что он думает об этих проектах, да и он сам о них не думал. Получив образование гидробиолога-эволюциониста, он думал о физическом устройстве Вселенной, о причинах землетрясений, вулканов и прочего. Он придумывал, как с помощью технологий можно было бы использовать большее количество солнечной энергии и энергии вулканов, и тех же землетрясений. А иногда он усаживался за историю древнего мира и, как ему казалось, делал в ней удивительные открытия. А ещё он писал стихи. Вот так и текла его жизнь.

А в это время вегетариане стали совершенно естественным видом, эксперименты с которыми закончены. И вегетариане действительно сотрудничали с людьми.

Беременность у вегетариан второго поколения длилась уже только тридцать три – тридцать четыре дня. Потом происходили роды, скорее напоминавшие выкидыш, но плод не умирал, а продолжал развиваться. Ему не требовалось ни плацентарное, ни молочное питание. Он питался от солнца. Для плодов создавали специальные солярии. Но развивался ребёнок вегетариан до уровня плотоядного ребёнка намного дольше.

Уже второе естественное поколение вегетариан отличалось от своих родителей – первого естественного поколения.

Ходили эти вегетариане с открытым ртом. Открывание и закрывание рта стало для них рудиментом. Их разговор плотоядные люди понимали, но иногда с большим трудом. Они тараторили. Пауз они не делали.

У вегетариан в третьем поколении уже не было зубов. Иногда появлялись мутанты с двумя ртами. Всем стало ясно, что запущен новый эволюционно-рекомбинационный процесс. Сам организм подстраивался к резкому изменению генотипа. Это было чем-то вроде перезагрузки этого живого компьютера, получившего новую операционную систему. Где этот процесс остановится, никто не знал.

Ситуация осложнялась тем, что от поколения к поколению подвижность вегетариан тоже уменьшалась. На воде они держались прекрасно, но быстро плыть и тем более бегать уже не могли. При этом они были очень разумны и адекватны.

Перед вегетарианцами, как кошмар, забрезжила перспектива, что их потомки станут овощами, поедаемыми плотоядными людьми и другими животными как разумные злаки, богатые незаменимыми аминокислотами.

В мораль плотоядных людей активисты организаций вегетариан не верили.

Некоторые вегетариане открыто презирали всех, кто питается живыми существами. Говорили, что это вампиры и каннибалы, пожирающие плоть животных и растений, что для вегетариан, то же самое. Первые сосут кровь, вторые её едят.

Таков был вегетарианский расизм. Но большинство вегетариан эту точку зрения осуждало. Или делали вид, что осуждают.

Возникла проблема и с мотивацией вегетариан работать на человеческое общество, и вообще ко всей социально-полезной деятельности. Люди и общество им были вовсе ни к чему. Вообще мотивацию к деятельности у вегетариан, начиная со второго поколения, вводили электронейронным воспитанием, начиная с одиннадцатого месяца после зачатия и до семи лет. Почти как когда-то для психически больных, но по более полной программе. Установки моти-

вадий создавались легко, но были нестабильны. Даже после семилетнего возраста раз в год они проходили «профилактику».

Но некоторое количество в такой процедуре всё-таки не нуждалось.

Страх, что их съедят, делал этих «не нуждающихся» социально активными. Но именно они составляли ядро вегетарианских расистских объединений.

Когда Сергею исполнилось тридцать семь, всемирное статистическое бюро, которое по древней традиции называлось ООН, объявило, что количество вегетариан второго и последующих поколений превзошло количество плотоядных людей и достигло двадцати миллиардов.

На основе вегетарианского расизма возникли движения вегетариан, которые начали борьбу со всем и всеми, кто ел живое. Неважно, были это плотоядные или растительноядные животные. Цепочка питания начиналась с растений, а вегетариане ощущали себя чуть-чуть растениями. Это были экстремисты, но они не убивали. Единственным оружием, которое признавали вегетариане, были химические нейтрализаторы. Хотя некоторые, как и полиция плотоядных людей, готовы были использовать магнитно-резонансные парализаторы. Живое существо или преступник оказывались парализованными на 20—30 секунд, но этого хватало для их нейтрализации. Повторное применение парализатора могло разрушить нервную систему существа.

Радикальными группами вегетариан проводились акции. Назывались они вегетаризация. Пойманных животных брили и оборачивали в биоплёнку, которая когда-то была создана для пораженных ВИКАРЕКЛЕ. Плёнка постепенно, встраивалась в кожу животных и давала им возможность жить, никого не поедая. Животные лысели и размножаться после этой процедуры уже не могли, но вегетариан это не особенно волновало. Скорее, наоборот, радовало.

Возникла теория о том, что все растения тоже мыслят и тоже боятся смерти, и даже общаются друг с другом. Придумывали всякую ерунду. Доказывали, что в группе растений, когда какое-то животное ест листья с одного растения, в листьях других начинают вырабатываться токсины.

Шли в дело и годовые кольца деревьев. Доказывалось, что когда в обществе были войны или другие потрясения, годовые кольца этих лет явно отличались от остальных.

Сергей, как биолог, смеялся над такими нелепыми доказательствами. Он-то знал, что всё дело в солнечной активности. Просто деревья реагировали на это кольцами, а люди и животные вспышками немотивированной агрессии или депрессии. Статистически, конечно. Но биологами были не все, и в массовое сознание внедрялась всякая дребедень.

А природоохранные организации были парализованы, так как девяносто девять процентов их членов к этому времени составляли вегетариане.

А полиция...? Даже те полицейские, которые не были вегетарианцами, боялись обвинений в плотоядном расизме.

Общество, считавшее себя либеральным, оказалось не готовым к этому вызову.

Даже среди плотоядных людей находилось много сторонников, поддерживающих вегетариан и говоривших, что вегетариан можно и нужно понять.

Под плёнкой и под солнечными лучами животные должны были находиться не менее месяца. По всей Земле захватившие власть вегетариане устраивали поля столбиков для животных.

Теперь (но это стало ясно слишком неожиданно и поздно) решили животными не ограничиваться.

Это стало ясно, когда их, плотоядных, арестовывали, не объясняя причин, а потом, связав в цепочки, вели к столбикам.

Естественно, о том, что начало происходить, никто из плотоядных, кажется, и подумать не мог. Вегетариане никогда не ассоциировались с какой-либо агрессивностью против людей. Те из плотоядных, которых называли расистами, вообще называли их «ходячими растениями».

Казалось, что всё может закончиться исключительно моральным осуждением.

Люди тоже считали, что в природе убивать нехорошо. Но ведь, ни волков, ни тигров никто не истреблял? Для них были созданы заповедники, хотя сцены их охоты уже двести лет были запрещены к показу в массовом вещании.

И то, что плотоядных людей, скрутили, объясняя это гуманизмом, стало для них полной неожиданностью.

Их мучители искренне и почти ласково объясняли им, что всё будет хорошо, и через месяц небольших неудобств им больше не придётся задумываться о «хлебе насущном». Что они смогут путешествовать, не тратя силы на поиск заведения для питания и денег на его приобретение. Что через месяц они почувствуют себя действительно свободными людьми, а не вампирами, привязанными к крови животных и растений, которых они убивают и поедают.

Решение одно

Группу плотоядных людей, в которой шёл Сергей и его дети, вёл к столбикам «друг» его молодости Тарки.

– Поверь, Серёга! Так будет лучше всем. Ты же понимаешь, что средний вегетарианин намного талантливее и успешнее среднего плотоядного человека? А ресурсов нам не надо. И если бы вы не создали нас, то всё равно бы вымерли. Ты же биолог. Резистентность вирусов и микробов, надвигающийся экологический кризис... Сколько вы бы ещё протянули? Ну, 100, 200 или даже 1000 лет? А так вы создали нас. Мы братья. Ваша генетика в нас будет жить, а все ваши проблемы автоматически решатся. Кроме того, мир перестанет быть аморальным. Никто никого не будет есть, а значит и убивать. Ты хотел бы жить в мире, где нет ни одного убийцы? Через месяц в нашем мире, в мире, где ты будешь жить, не будет ни одного убийцы. В этом мире будет только любовь и не будет страха. Никому никогда не придётся кого-то бояться, от кого-то убежать. Наступит всеобщее бесконечное счастье. Это будет золотой век человеческой цивилизации. Ну скажи, друг?

Сергей шёл, скованный пластиковым шнуром, на связке с такими же как он. Он был лишён возможности что-либо предпринять. То, что этот вегетарианин говорил именно с ним, было позором. Хотелось кричать: «Нет! Я ему не друг! Меня ведут на смерть вместе с вами!»

Но Сергей молчал. Слишком поздно к нему и к другим пришло осознание происходящего.

Руки были скручены, и он шел в связке с остальными плотоядными людьми. А в руках вегетариан были магнитно-резонансные парализаторы, которые они без колебаний применяли к тем, кто пытался освободиться.

Такого ещё не видел никто. Сергею приходили в голову какие-то картинки завоевания Америки или истории 15—22 веков, когда попы, конкистадоры и переселенцы, фашисты, а потом исламисты и либерасты, массово уничтожали целые культуры.

Но это было побеждено и ушло в историю. Никому не могло прийти в голову, что нечто подобное может повториться, да ещё и именно с ним.

И вот их ведут, как скот. На убой. Как индейцев, ведьм, евреев, не мусульман или гетеросексуалов. Их ведут за то, что они люди, плотоядные люди. Их природа – это их вина, их приговор.

Некоторые плотоядные отвечали вегетарианам, приводили доводы, проклинали, но Сергей шёл молча, как будто Тарки ничего не говорил.

Сергей молчал, но слова Тарки растили в нём ненависть. Ненависть, не знавшую предела.

Так было тогда, пару дней назад. Вспоминалось это как кошмар. Бессилие. Но память всё возвращалась и возвращалась к этому.

А сейчас, освободившись, Сергей и освобождённые его упрямством, ненавистью и удачей плотоядные люди перешли через ручей, где напились и смыли остатки плёнки.

Наконец они оказались в ещё более густом лесу.

– Тут нас не достанут, – сказал кто-то.

Действительно, в таких лесах даже вегетариане первого поколения гулять могли, только одевшись. Но одежды они почти никогда не носили. Их кожа была значительно нежнее, чем у плотоядных людей. Даже нагим плотоядным людям в таком лесу было тяжело. А все, кто окружал Сергея, были наги.

Было ещё холодно. Женщины по пути сооружали себе какие-то покрытия, используя растительность и пластиковые верёвки, которыми раньше были привязаны. Но это не защищало

от холода. Но так уж они, женщины, устроены. Хотя сейчас было не до стыдливости. Все были изуродованы волдырями.

Ночью было очень холодно. Спали, прижавшись друг к другу, разворошив многолетнюю листву, немного тёплую от гниения и согретую дневным теплом.

Но Сергей на удивление спал крепко и выспался. И Юля, хорошо не просыпаясь, спала в его объятиях.

Когда он проснулся, на месте волдырей, которые не успели лопнуть, была краснота, и почти все женщины были «одеты» в какие-то сооружения из тростника, растущего у ручья, и старых листьев. Выглядели они, как племя папуасов с картинок старых энциклопедий.

Хотя Марго и ещё несколько молодых девушек игнорировали этот вид деятельности, видимо, считая, что есть дела поважнее. Марго было уже двадцать два. С виду она была хрупкой невысокой девочкой, но редкий мужчина мог бы выйти против неё на татами и победить. Когда Сергей нашёл её, она сидела с несколькими парнями вокруг очищенного от листьев и травы участка земли, и они там что-то чертили веткой.

– Мы сейчас здесь. Их акции могли быть здесь или здесь, – объяснял Марк, долговязый молодой человек – Значит надо разбиться на две группы?

– Нужно сформировать групп пять. И отправить их по этим направлениям.

Сергей подошёл и молча слушал. Его никто не прогонял, и, кажется, что даже внимания на него не обращали.

Вокруг этой группы постепенно собиралась молодежь.

В конце концов молодежь сформировала четырнадцать групп, которые должны были по две идти в каждое место с разных сторон, где, как предполагалась, была или будет проведена акция вегетариан.

Одну из групп, состоявшую из пяти человек, возглавила Марго. В основном это была молодежь от двадцати до двадцати пяти лет.

Сергей слушал всё это, пытаясь разжевать несколько диких груш, высушенных с прошлого года, которые ему и Юле принёс вставший раньше Давид.

Давид же рассказал Сергею, что почти на опушке леса, куда он и другие ходили искать что-то съедобное, нашли повесившегося мужчину.

Был ли он из тех, кто вчера освободился, и кто он вообще, никто не знал. Но он был наг.

Стало ясно, что просто освобождение со столбиков никого не спасет.

Сергей подошёл к Марго.

– Нужно собрать общее собрание.

– ...?

– Вы ведь не задумывались, что делать дальше? Какая стратегия, и какие планы? Планы не только на сегодня? Людям нужно знать. Нужно внушить, что жизнь не кончилась. Нужно их занять чем-то кроме воспоминаний об утерянном рае. Но последнего никому не говори. Хорошо?

– Хорошо, папа. Я сейчас поговорю с ребятами.

Несмотря на то, что вчера первым освободился он, и никто даже не знал, были ли ещё случаи, когда кому-то удалось освободиться, Сергей воспринимался этой молодежью только как папа Марго, которую эта молодежь очень уважала.

Когда мужчины, которых удалось собрать, и молодежь собрались на косогоре у берега и как-то расселись, Сергей стал внизу, у ручья, и начал свое выступление.

– То, что молодежь решила освобождать тех, кто еще на столбиках в других местах правильно. Но я хочу, чтобы все поняли, в какой ситуации мы оказались, и что нам делать кроме этого. Делать организованно. По одному и без плана действий нам не выжить.

Дело даже не в морали, хотя и в ней. Чем больше мы освободим попавших на столбики плотоядных людей, тем больше у нас шансов выжить. Хотя шансов не так уж много.

Те, кто сегодня уходит на спасательные операции, должны вернуться в то место, которое старшим групп, я укажу перед их выходом. Нельзя исключить, что какая-то группа попадет в плен.

На месте мы оставаться не будем. Те, кто не задействован в акциях по освобождению, должны будут сделать многое другое. Но первое: все должны вооружиться палками, кольями или чем-то вроде копий. Это не сильно поможет против парализаторов. Но человек с парализатором, не может справиться с группой, вооружённой копьями.

Те, кто идёт на акции, должны себе отдавать отчет, что, хоть вегетариане, если это не клонированные, слабы физически, у них могут быть парализаторы. Ваше преимущество – неожиданность. Вегетариане не знают о нашем освобождении или пока не знают. Нужно это незнание сохранить как можно дольше. Любой встретившийся вегетарианин должен быть убит и принесён сюда, но так, чтобы следов не осталось. Нам нужно выжить. Да и другого калорийного корма уже нет, так что не... – он поперхнулся, – брезговать не придётся. Нужно это осознать.

При этих словах, слушавшие напряглись.

Возражать было нечего, но представить, как они будут есть человека, пусть и вегетарианина, никто не мог.

– Мужчины, которые не идут на акции освобождения делятся на две группы, – продолжал Сергей. – Группа охраны и поисковая группа. Нужно икать любые предметы материального быта. Они могут нам пригодиться.

Наш вид поставлен на грань уничтожения. И наши жизни тоже. Вегетариане наши безусловные враги. При встрече уничтожать без переговоров.

Запомните: от каждого из вас зависит, выживем мы все или нет. Не упустите наш единственный шанс.

Кольями двадцать миллиардов не перебить. Поэтому всех биологов, которые здесь и которые возможно ещё есть в лагере, прошу найти меня через час. А группы освобождения могут идти ломать колья, копы и что ещё взбрет в голову. И не забудьте о маскировке.

Наверно потому, что никто не представлял, что делать дальше, Сергея слушали внимательно и не возражали.

Для оказавшихся на столбиках, как животные, это было такой неожиданностью, и то, что они могли бы это предвидеть, сильно деморализовало. Всем было понятно, что в своё жильё им не вернуться, не доделанные в прошлой жизни дела не доделать, исследования не завершить и отдохнуть, куда планировали, не поехать.

Сергей, многое читавший об истории человечества, что-то вынес из этой истории. И это что-то давало ему право употребить это понимание.

Молодёжь всегда более готова к переменам. Она восприняла случившееся, как данность. Ну случилось. Но надежды спастись по-настоящему, ни у кого не было. Была умноженная болью ненависть и желание подороже продать свою жизнь.

Всё оказалось в руках вегетариан. Вся цивилизация, созданная руками людей, как в игре «День и ночь», оказалась повёрнута против них самих. А в голосе Сергея звучала уверенность. Эта уверенность, пусть и неоправданная оказалась востребованной.

И раньше он был оптимистом даже тогда, когда было ясно, что хорошего ждать нечего. И когда его фантазии не оправдывались, он надеялся на что-то другое.

И сейчас его надежды были такой же фантазией. Но для других, если другой надежды нет, то и это было необходимо.

Когда молодёжь ушла на акции, он придумал перепись – переключку по профессиям. Делал он это, чтобы создать ощущение некоторого порядка и совместных действий, которые должны превратить стадо несчастных в некоторое общество.

После переключки оказалось, что их (вместе с ушедшей молодёжью) 761 человек, из которых четверть детей.

Сергей пригласил на совет биологов и тех, чьи знания могли пригодиться.

Но пришли практически все взрослые мужчины. Когда собрались, Сергей сказал:

– Нас 761 человек. И мы пока не знаем, остались ли на Земле ещё плотоядные люди, и где они. Но я думаю, что у нас нет другого выхода, кроме, как начать войну с вегетарианцами.

– Но мы безоружны! – Сказал один мужчина лет сорока. – А вегетарианцы всё у нас отняли. И как мы будем воевать?

– Вегетарианцы второго и далее поколений, по отдельности каждый слабее плотоядного человека...

– Слабее. Но они обладают всей технологической мощью и всё хорошо спланировали. А мы..., мы голая толпа.

– А что Вы предлагаете? Есть другие опции, кроме войны?

Мужик молчал, и все остальные тоже молчали.

Тогда Сергей продолжил:

– У нас ведь просто нет выбора.

– Есть, – ответил, наконец собравшись с мыслями, мужик. – Вегетарианцы от поколения к поколению деградируют. Мы можем просто спрятаться и переждать.

– Спрятаться и переждать несколько поколений? Мы просто превратимся в дикарей. И то, если нам удастся спрятаться. А что мы будем есть?

Возражавшего, звали Григорий. Он был на голову выше Сергея, но в его голосе чувствовалась обречённость.

– Можно добраться на север. – отвечал он Сергею. – там рыбы много... вернее, достаточно, чтобы выжить.

– Идти на север – это правильно. Но до севера нужно дойти, а мы пока слегка не одеты. А вегетарианцы могут нас достать и там.

– Я просто думаю, что стычек с вегетарианцами лучше избегать. Разделиться и идти на север малыми группами. И прокормиться легче, и незаметней.

– Но пока нам нужно спасти всех, кого можно спасти. А для этого, чтобы молодёжь могла пока заниматься только этим, нужно освободить её от прочей хозяйственной деятельности. Делиться, возможно, будет потом и добровольно. Но сражаться все равно придётся. Это не наш, это выбор вегетарианцев, нас уничтожить.

– Это, наверное. Я не возражаю, – сказал Григорий.

Стратегическое направление

Вместе с теми, кто имел какое-то отношение к биологии, Сергей ушёл на небольшую солнечную поляну. Получился небольшой «форум».

Ужас от столбиков чувствовался во взгляде каждого. Но с этими людьми, с этими запуганными невротиками, с этим остатком прежней человеческой цивилизации, нужно было начать крутить этот фильм ужасов в обратную сторону.

Сергей невротиком не был, и его речь была короткой.

– Братья! Колья и копыя – это минимум, который нужен для выживания сегодня. Но, чтобы возродить цивилизацию – нашу цивилизацию, нам нужно совершенно другое оружие – биологическое оружие массового уничтожения. Иначе с миллиардами зелёных человечков нам не справиться. Кто и что думает по этому поводу или имеет другие идеи?

Идей не было никаких. Или на Сергея смотрели, как на фантазёра или присутствовали безучастно. Кто он такой, чтобы без лабораторий, без оборудования создать биологическое оружие? Обсуждение начали скорее из вежливости. Привычка.

Просто говорили о том, чего нет, и уже не будет.

Кто-то упомянул атомное оружие, но не имел никаких идей и знаний, как до него добраться.

– А в чем, по-твоему, может состоять биологическое оружие? – спросил кто-то, наконец.

– Я предлагаю особый вид биологического оружия. Между нами и вегетарианами есть биологическая разница, и оружие должно быть безвредным для нас и очень опасным для вегетариан.

Сергей хорошо помнил и случай, когда спас Тарки от муравьёв, и то, как Тарки привёл его к столбикам.

– Я предлагаю начать поиск энтомологического оружия. Нужны опасные для вегетариан насекомые. Возможно, их можно будет обнаружить или получить с помощью селекции. Потом нужно их размножить, используя вегетариан, как корм.

Согласились по привычке и скорее из вежливости.

В то время, когда в лесу будут искать разное старьё, хлам и еду, согласились начать сбор попадающихся насекомых.

Вечером молодёжь вернулась с сотнями освобождённых людей и трупами вегетариан.

И предметов «материального быта» тоже собрали немало. Особенно много было пластиковых бутылок, на которые так надеялся Сергей.

Остаток древнего экологического безрассудства двадцатого и двадцать первого века давал некоторую надежду на создание, придуманного им, энтомологического оружия.

А вот расширенная «перепись» дала неожиданные результаты: мужчины составляли около трети всех спасшихся, и не было ни одного специалиста по передовым направлениям физики, электроники, биосинтеза, генетики, биотехнологий. Видимо, большинство этих специалистов были мужчины – возможно, этим и объяснялся «половой» перекокс. Об этом можно было пожалеть, но было некогда.

– Знаешь, – говорила Сергею его знакомая тоже спасшаяся со столбиков – я пробовала задохнуться под плёнкой. Но под ней задохнуться невозможно. Я задержала дыхание минут на пятнадцать... хотя, может, это мне так казалось.

– Всегда надо драться до конца. Хуже, чем конец ведь не будет. Чего бояться?

– Я и думала, что это конец.

В таком состоянии были многие. И это нужно было учитывать.

Ночью одна из групп охотников даже привела одного пленного.

Сергей помнил случившееся когда-то с Тарки, и это было его главной идеей энтомологической войны.

Утром Сергей просил всех, собирать кузнечиков, жуков, гусениц, стрекоз – любых живых насекомых.

Поиск насекомых происходил одновременно с поиском питания, и никто не возражал. И поскольку теперь каждому была отведена определённая территория, чтобы не дублировать друг друга, шло в плюс.

Все разбрелись по лесу, но к вечеру все собрались в указанном месте. Остаться и прятаться одному желающих не нашлось.

Но, несмотря на условия, в которых они находились, пока никто не заболел или заболел не так, чтобы на фоне других неприятностей об этом задуматься.

Но и собирательство давало свои результаты. Разные железки, куски синтетических тканей и даже чудом сохранившиеся разовые тарелки, которые тоже становились частью одежды или быта.

Лес в сознании людей, постепенно становился их домом, и новый ночлег прошёл уже совершенно иначе. Появились шалаши, кто-то найденной старой сапёрной лопаткой даже вырыл небольшую землянку.

В сто пятьдесят пластиковых бутылок были положены кусочки кожи вегетариан и посажены насекомые. Потом их закрыли так, чтобы проходил воздух. Один из биологов, Карл, оказался энтомологом. Правда, его работа до начала этих событий заключалась в том, чтобы сортировать коллекцию Харьковского музея естественных наук. А в Новомосковск, где их и взяли вегетариане, он попал совершенно случайно. Но он мог определять пол насекомых. Сергей, будучи ихтиологом, знал, как это непросто сделать у большинства рыб, и был в полном восторге (насколько он сохранил возможность испытывать восторг) от познаний Карла.

Шли дни. Каждый день становилось теплее. У мужчин появились бороды. Сергей делил свое время между Юлей и бутылками с кусками вегетариан.

Руководил всем Марк, руководил почти незаметно, но практически единолично.

Молодёжь уходила и возвращалась с трофеями. Появилось некоторое оружие и другие полезные для выживания вещи. Постепенно появилась одежда. Линзы найденных старых очков позволяли разжигать костры. Котелки, делались из старых, проржавевших на швах, газовых баллонов. Было найдено некоторое подобие топоров, ножей и лопат.

Их отряд постоянно пополнялся за счёт спасённых со столбиков. И эти спасённые были самым главным достоянием.

Но это достояние нужно было кормить и поить.

Но это было заботой Марка. Сергей занял себя мечтами об оружии завтрашнего дня.

Благо в пластиковых бутылках и коробках недостатка не было.

Так прошло две недели. Спасённых вокруг леса, где они находились, плотоядных людей оказалось более десяти тысяч. Они продолжали прятаться в лесах и голодать. Ели дикие груши и яблоки, грибы, запечённые на кострах, какие-то корешки, орехи и даже жевали горькую заваренную хвою. Начать есть вегетариан было жутко. Это был почти каннибализм.

Но голод не тётка. Сначала молодёжь, а потом и остальные стали смотреть на это иначе.

При этом, за эти две недели, потеплело значительно.

Бутылок с насекомыми было уже около четырёх тысяч. Сначала ни одно насекомое вегетариан не ело. Но и тут принцип «голод не тётка» работал. Хотя и не всегда давал нужный эффект.

Из тех насекомых, которых посадили в бутылки в первую неделю, остались живыми и активными только жуки *leptinotarsa decemlineata* (как назвал их Карл), да и то не все. Но кроме них питаться кожей вегетариан не смог никто.

Но это было неважно, поскольку цель была найти тех, кто это может, и она была достигнута. А эти жуки, кроме всего прочего, могли летать на большие расстояния.

Каким бы маленьким ни был этот успех, о нём объявили на общем собрании, как о залоге надежды на будущее существование. А за отсутствием других новостей, работа небольшой группы оказалась в центре внимания всей общины. Хотя, наверное, мало кто тогда верил в то, что это как-то поможет. Но исследования были чем-то, что психологически возвращало плотоядных людей в их обычный мир и давало надежду на кого-то, когда надежда на свои силы была такой слабой.

А представлять, как маленькие полосатенькие жучки будут пожирать их врагов, было приятно всем. Многие признавались, что с этой мыслью засыпали.

Пару раз над лесом пролетали септалёты. Теперь эти воздушные велосипеды принадлежали не им, плотоядным людям, а вегетарианам. От этого одним было грустно, а у других вызывало всплеск ненависти и злобы.

В их предыдущей жизни личные септалёты были у большинства.

Но Сергей продолжал мечтать.

Он работал с жуками, забывая обо всем. Кормили его и Юлию, Давид и подруги Марго различными дарами леса. А Марго начала приносить куски вегетариан и для опытов и (неизвестно на чём поджаренные куски) «для прокормления папы». Юлия от жареного мяса была в восторге. Её интересовал вкус, а не происхождение.

Ещё через неделю почти все пластиковые бутылки были заполнены выжившими *leptinotarsa decemlineata*.

Одна из самок *leptinotarsa decemlineata* отложила на обратной стороне кожи вегетариан маленькие, в зависимости от освещения то ли светло рубиновые, то ли оранжевые яйца. По прикидочному подсчёту их было более семисот.

Было уже двадцать три пленных вегетарианина, их привязывали к столбам на солнечных полянах. Есть им было не нужно. Но они ругались.

– Всё равно, вампиры, вас переловят, а нас освободят! – пролепетала Сергею вегетарианка лет четырнадцати из своего открытого в пятикопеечную монету, рта.

Сергей посадил ей в рот одного из жуков, выживших после двухнедельного питания вегетарианами. Жук залез внутрь. Вегетарианка орала. Видимо, мышцы, закрывающие рот, в её поколении были атрофированы уже полностью. Остальные вегетариане от этой картины заткнулись, и больше никакой ругани не было. А часть плотоядных людей, видевших это, смотрели на Сергея с осуждением. Ложный «гуманизм» уходил медленно.

– Когда встает вопрос, кто из нас выживет – не до сантиментов, – заявил Сергей, повернувшись к свидетелям этой сцены. – Либо мы, либо они, – он показал в сторону привязанных вегетариан.

После этих слов пленные вегетариане неистовствовали, но справиться с пластиковыми веревками, которыми они же вязали людей к столбикам, было невозможно.

Вегетарианка на следующий день была мертва. А остальные вегетариане были живы и здоровы.

Энтомологическое оружие было найдено. Оставалась задача его распространить.

Но вот катастрофа, произошедшая с плотоядными людьми, через две недели приобрела необратимый характер.

Спасать было уже некого. Те, кто оставались на полях столбиков, которые удавалось найти, были либо мертвы, либо умирали в течение нескольких часов после того, как с них смывали хлорофилловую пленку. Видимо «операция» для усадки плотоядных людей на столбики по всей Земле прошла согласованно – в один день. Ещё живые люди, остающиеся на столбиках или после снятия с них, казались скорее засыхающими и увядающими растениями, чем живыми существами. Даже если бы можно было воспользоваться аппаратами электроней-

ронного воспитания, никому бы это не помогло. Аппараты электронейронного воспитания, созданные для вегетариан, на плотоядных людей не действовали. Да и не было их у голодной группы ведущих дикарскую жизнь партизан.

Марк предлагал из милосердия их убивать. Сергей был категорически против этого. Это действие, объяснял он Марку, отнимет у нас время, силы, а кроме того, убийство людей, пусть и умирающих, ляжет тяжёлой психологической нагрузкой на тех, кто это будет делать.

А вдруг кто-то из них выживет? Оставим это судьбе.

«Когда есть серьёзные сомнения в правильности поступка, лучше его не совершать», – учил когда-то Сергея его старший друг. И Сергей пытался донести эту мысль до Марка.

Марка он уговорил.

Поиски и освобождения решено было прекратить.

Город

Двигаясь лесами, группа, которую вели Марк и Сергей, продвигалась в северо-восточном направлении. Прошло уже четыре месяца после вегетаризации. В группе, в которой они шли, было три тысячи восемьсот человек. Каждый, кроме детей, нёс по две-три бутылки с «жуками».

Из новомосковских лесов вышли три примерно одинаковые группы.

Одну из групп вёл на север Григорий, с которым у Сергея когда-то вышел спор. Он сам был с севера. Из Североморска. Он там родился и в молодости работал на подводных станциях.

Вторую группу в Сибирь, где, как он утверждал, осталось много дикого места, вёл Олег. Олег был фотоохотником, долго путешествовал по Сибири и знал её.

Разделение на группы было добровольным. Даже никто никого не уговаривал. Никто и не знал, как оно там дальше будет.

Ушедшие от них тоже получили свою порцию бутылок с жуками и обещали за ними следить. Хотя Сергей и не был уверен, что это будет приоритетом этих групп.

Разделиться было необходимо. Для вегетариан, они не количеством представляли опасность. Их всё равно было очень мало. Но так, увеличивался шанс, что кто-нибудь выживет. Да и с едой для двенадцати тысяч человек, идущих в одном направлении, были серьёзные проблемы.

А в группе, оставшейся с Сергеем и Марком, все несли пластиковые полуторалитровые бутылки с жуками. Это не было тяжёлой ношей. Бутылки, клали под голову, ложась спать. Питание для жуков периодически обновлялось.

Да и четыре тысячи человек в их группе было много. Но так получилось. Возможно, потом они опять разделятся, но пока шли вместе, хотя и не толпой.

Марк, который сам был из Запорожья, устроил в группе военную организацию.

Главный отряд боевиков составляли 300 «казаков».

Это была молодёжь, которая всё своё время посвящала набегам и их подготовке.

У каждой сотни был свой командир – сотник. Далее деление шло на десятки. И во главе каждой был десятник. Марк говорил, что такая организация войска существовала в древние времена, когда не было техники. Сергей тоже об этом что-то читал, но в той жизни, даже при изучении истории, организация войск его мало интересовала.

Кроме этого, некоторой воинской подготовкой занимались ещё 600 человек среднего возраста, которых Марк называл ополчением.

Ополчение по 20 человек было прикреплено к каждой десятке боевиков.

Остальные входили в обоз, который также был разделён на три группы, закреплённых за каждой сотней.

Все, кому было за тридцать пять, оказались в ополчении, и понятно почему. Никаких средств передвижения кроме ног пока не было, а молодые бегали быстрее.

Такая организация позволяла быстро разделяться на группы и точно сходиться в заранее указанном месте.

Сергей и ещё пятеро «стариков» составляли совет штаба. Они тоже разделялись и уходили с командирами их сотен.

В отличие от двух ушедших в Сибирь и Североморск групп, Сергей предложил не определять точную цель ухода на север. Но направление взяли на северный Урал. Промежуточным пунктом определили лес юго-западной Липецкой Усмани.

Сергей знал этот лес, как непроходимый. Он когда-то участвовал в его исследовании.

Благо, благодаря экологическим организациям, лес был почти повсюду.

Но всё-таки не везде.

Шли по ночам.

Если за ночь не успевали дойти до нового леса, разбредались по степи. И ложились на землю, наполовину укрыв чем-нибудь бутылки с жуками. Воду в бутылках несли только женщины с детьми до восьми лет. Но с водой в России проблем нет.

Вообще на бутылки с жуками смотрели по-разному. Мало кто в них по-настоящему верил. Но дисциплина, поддерживаемая штабом, не давала свернуть эту затею. Тем более, что все видели, как жуки действуют на вегетариан.

Сергей с Карлом особенно радовались, когда находили заброшенные картофельные поля. Самцы жуков, выжившие на корме из вегетариан, спаривались с любыми самками. А их потомство принимало вегетариан как обычный корм.

Все остальные, найдя картофельные поля, радовались совершенно по другому поводу. Картошка была для них драгоценным питанием.

Но картофельные поля, оставшиеся дикими с доисторического времени, встречались редко. В двадцать первом веке почти полностью перешли на гидропонику и большую часть поверхности планеты составляли леса, дикие фрукты, орехи, кедр, сосна, а иногда редкие, но красивые берест, дуб, липа, клён, ясень.

Болели редко. Но лечить болезни было нечем, и некоторые всё-таки умирали. Каждого умершего хоронили всей общиной. Все стали намного ближе, чем это было раньше. Сергея и его детей судьба хранила. Даже более того. Марго сообщила ему, что ждёт ребёнка от Марка. Не вовремя, конечно, но жизнь есть жизнь. Юлия почти не болела и была не по годам умной. Вообще она была весёлой и жизнерадостной девочкой, несмотря на то, что было вокруг. Она воспринимала всё как данность. Старалась походить то на Марго, то на Давида. Играла с другими детьми и собаками.

Рядом с Сергеем постоянно находились Алина и Ольга, закреплённые за ним Марком с подачи Марго. Обе девочки были спортивны и чрезвычайно хорошо сложены.

– Это тебе для постоянной связи с Марком и охраны твоей драгоценной личности, – отшучивалась Марго на однажды заданный вопрос Сергея.

– Доченька, но ты не учитываешь, что я – как бы это сказать – мужчина?

– А ты им тоже очень нравишься! – смеялась его старшенькая.

Девочки были очень молоды и очень привлекательны. Но Сергей старался не глядеть на них, как мужчина. Кто он он для них? Стареющий папа Марго?

Марго была дочерью от его первой жены и вторую его жену не очень любила. Наверное, было за что. Но сейчас это было не важно. На каком столбике погибла его первая жена, мама Марго? А вторая жена, мама Давида и Юлии? Сергей этого не знал.

Но, конечно, девочки – это скорее была охрана. Марк замечательно руководил общиной. Но он был тактик. Он знал «как», но Сергей (и это проявлялось постоянно) знал «зачем». И поэтому Марк очень ценил или делал вид, что ценил, взгляд Сергея, да и удобно ему было использовать имя Сергея, чтоб не вызывать раздражение у старшего поколения мужчин, выросших в обществе поступательного карьерного роста. Ему, Марку, было только двадцать пять.

А то, что было бы, если бы не освободился Сергей и не освободил других, все уже видели на примере тех, кому они не успели помочь. И эта заслуга Сергея ценилась теперь намного выше, чем сразу. А кроме того, Сергей научил многих рыбачить. Как ихтиолог, знавший повадки рыбы, он руководил созданием рыболовной снасти, крючков, удочек, поплавков и блёсен. А во всех ручьях и реках, которые они проходили, было много рыбы.

А вот самоубийств больше не было.

И роль Сергея была очень удобна Марку, поскольку Сергей не требовал власти. И если он не был уверен в том, что надо делать, даже советами не вмешивался в оперативное управление. А Марк был прирождённым руководителем.

– Ты с Марком друзья не разлей вода. Тесть и зять из вас получатся что надо! – говорила Марго.

– Мы просто стараемся убрать всеобщую подавленность. – Отвечал Сергей. – Бог не выдаст, свинья не съест.

– Это не подавленность. Это растерянность. Они привыкли жить с искусственным микроклиматом, со сбалансированным витаминами питанием, с минеральной клизмой, а тут каменный век. А ходить после того, как оправился, с немой задницей... большой стресс.

– А ты как?

– Ну, мы с Марком участвовали в ролевых играх. Там, правда, стресс тоже дозированный, но мы, в принципе, в своей тарелке. Просто игра стала явью. Делов-то... Ты тоже со своей ихтиологией и постоянными пешими прогулками по заповедникам и озёрам, не комнатное растение. А другим тяжело. Очень тяжело. Хорошо, что ты командуешь. Но знай меру.

– Командует Марк.

– Марк? Впрочем, наверное, это так и должно восприниматься.

– Ты хочешь сказать, что командуешь ты?

– Ну, Марком уж точно командую я.

Они смеялись.

Они шли и шли. А при этом шли и дни. Постепенно, но неотвратно приближалась зима. Жуки потеряли активность, но Карл утверждал, что всё идёт нормально. Первые выжившие *leptinotarsa decemlineata* дали два новых поколения.

Проходили мимо городов, но в сами города заходили только группы захвата и только на окраины.

Септалёты вегетариан показывались всё реже, а самолётов и вертолётвов вообще не видели ни разу. Рейды групп захвата в окраины городов были очень успешны. И свежее мясо вегетариан теперь было всегда. Находился какой-нибудь вегетарианин или парочка, жившие на отшибе, а дальше работали копы и колья.

Это была обычная охота на необычную дичь.

Видимо вегетариане, даже если они знали об их существовании, решили, что бессмысленно тратить силы на тех, кто и без этого обречён, и терпели незначительный урон, даже если догадывались, чем он вызван, как некоторое стихийное бедствие, серьёзно не угрожающее их обществу.

А возможно, без плотоядных людей у них таки были проблемы, которые отнимали их основное внимание.

Может вегетариане решили, что с плотоядными обитающими в лесах, покончит зима?

Лето ещё было в самом разгаре, но скоро оно закончится. Остатки плотоядных людей будут двигаться на север, а осень будет двигаться на юг.

И города с вегетарианцами попадались всё реже и, наконец, исчезли совсем.

Ещё два – три месяца, и встанет вопрос о том, чтобы остановиться и рыть землянки.

Но мысли о рытье землянок предотвратила неожиданная находка – пустой посёлок.

Сергею разрешалось иногда ходить в составе групп казаков. По знакомству, как отцу Марго или другу Марка, хотя кондициями боевика он явно не обладал.

Вот и сейчас был очередной рейд.

Сергей в составе группы боевиков вошёл в посёлок.

Посёлок был пуст. Это уже определили раньше. Именно поэтому Сергею и разрешили сегодня «рискнуть». Вегетариан не было нигде. Но не было и «столбиков» вокруг городка. Посёлок состоял из трёх десятков обычных четырёх-этажек, когда два этажа сверху, два под землёй, и ещё десяток разнообразных зданий совершенно непонятного предназначения. Группа передвигалась от дома к дому быстро и тихо. Никаких признаков ни вегетариан, ни плотоядных людей не было.

Всё казалось стерильным.

Сергей с Алиной и Ольгой – девушками, приставленными к нему Марго как связь и охрана – начали осматривать второй дом от юго-западной опушки.

– Никаких приспособлений для приготовления пищи.

Дома были почти меблированы. Самое главное, в домах была вода. Были комнаты с маленькими бассейнами типа джакузи. Были душевые и маленькие солярии. В комнатах были кондиционеры. Ни туалетов, ни кухонь с их оборудованием не было вообще. Ни одежды, ни комнат для одежды не было. Было даже электричество. Но дома не выглядели так, как будто в них кто-то когда-то жил. Они были плотно закрыты, но замки, и сигнализация отсутствовали.

– Но если это дома только вегетариан, почему они не стеклянные? – спросила Ольга.

Сергей старался уходить от таких разговоров. Меньше говорить и больше думать. Раньше бы он сказал и первую и вторую часть фразы. Но сейчас, перед девочками он берёт авторитет. Сергей старался об этом не думать, но ему хотелось выглядеть значительнее.

А когда он это за собой замечал, то обзывал себя пижоном и мальчишкой.

Но именно благодаря возникшему в последнее время его авторитету девчонки и ждали его реакции.

– Стеклоанное строительство возникло не сразу после начала клонирования вегетариан. Возможно, город строился именно тогда, и именно поэтому пуст. Домашние солярии, похоже об этом и говорят, – нехотя отреагировал Сергей.

– Но кто тогда мог строить города только для вегетариан? – задала вопрос Ольга. – Да и всё здесь выглядит не таким уж древним и запущенным.

Ольга была стройной, высокой, почти блондинкой. Она, как и Марго, занималась восточными единоборствами, которые когда-то распространились по всему миру. Вторая «охранница» Алина – невысокая самбистка с вьющимися светло-каштановыми волосами и зелёными глазами. Они знали Марка и Марго по ролевым играм, которыми когда-то занимались.

– Вопрос не мальчика, но мужа! – ехидно отшутился Сергей. – Надо осмотреть и другие дома.

Но все тридцать два дома были такими же, и вопрос остался висеть в воздухе.

В этом городе можно было хорошо отдохнуть. Все уже отвыкли от жизни под крышами, и упускать возможность обновить эти свои воспоминания никто не хотел.

Но что-то волновало Сергея. Город не выглядел старым, но и новым его назвать было трудно. А первое, что они обсудили с Марком и Марго: не западня ли это? Но почему город явно старше их побега и не оборудован кухнями и туалетами?

Более или менее удовлетворяющий логике ответ пришел в голову Юле.

– Это, наверно, город, где бы мы жили после того, как смогли бы перестать кушать, – сказала вдруг Юля, присутствующая при разговоре Сергея с Марго.

С тех пор, как, они освободились, и не нашли вторую жену Сергея, он стал одновременно и папой, и мамой, и Юля, когда он был в лагере, была его «хвостиком». Марго изредка помогала, но Алина помогала больше и чаще. А Юля выросла и умнела очень быстро. Она была упряма и независима. Убедить её что-то делать, если она сама так не считала, было очень тяжело. Приходилось убеждать её очень серьёзно, как взрослую. И она, желали того взрослые или нет, присутствовала практически на всех разговорах, которые вёл Сергей. Она не привлекала к себе внимания, просто слушала. Но иногда, это случалось очень редко, высказывала своё мнение.

Она была немногословным ребёнком.

Ну что ж, если Юля права, то они попали-таки в этот построенный для них город. Но это одновременно говорило о том, что план привязать их к столбикам существовал уже минимум десять лет. А скорее всего, и больше.

Этот город создали, чтобы не сразу подвергать стрессу прозрачных стен.

Проверка подключения к электричеству показала, что источник был автономным и находился в городе. И вода была артезианская. Так что вероятность, что по потреблению электричества и воды вегетариане их обнаружат, отсутствовала. Спутники? Но за их записью в этом городе должен был кто-то постоянно наблюдать.

Решили прорыть туннели между нижними этажами домов и лесом. А до того, как они будут прорыты, жить в лесу. Пока тепло. Перемещаться между домами решили только ночью, надеясь на удачу и картонные зонты, скрывающие инфракрасное излучение тел.

Почти прямо от опушки рыли один, но достаточно большой туннель, и рыли его интенсивно.

Рыли его с двух сторон. А когда он был готов, начали рытьё туннелей между домами. Землю, вырытую в туннелях, разбрасывали в лесу между деревьями. Работали быстро и посменно по часу, днём и ночью, по десять человек на туннель.

Оставалось ещё не выдать себя включением освещения на надземных этажах и приготовлением пищи.

Но с приготовлением пищи вышло всё довольно просто. Поселок был достаточно большой, и удалось вынуть из стен некоторых апартаментов нагревательные элементы. А свет на надземных этажах просто запретили включать независимо от того, завешены окна или нет. При этом, на всякий пожарный, недалеко от города для страховки построили базу, где в случае чего нужно было собираться.

Набеги возле города запретили категорически. Да и не было тут на кого набегать. Нужно было просто пережить будущую зиму.

И пережить зиму в таких комфортных условиях теперь казалось просто замечательным. Ради этого стоило работать.

И началась спокойная жизнь. Люди быстро обустроивались, делали металлическое оружие, шили из постельного белья и найденной в спортзалах обивки спортивных снарядов и тренажёров нормальную одежду.

Важно было не допустить анархии.

Ольга, Марго и Алина ввели обязательный курс для всех бойцов по единоборствам и буквально принудили к этому Сергея.

Сначала шло не очень хорошо, но через некоторое время, когда он привык падать на ковёр, ему даже понравилось, и он стал делать некоторые успехи.

Девочки его хвалили очень своеобразно. Они говорили, что такого способного мешка они ещё не встречали.

С питанием для детей проблем давно не возникало. В отличие от взрослых, главными критериями подрастающего поколения было «съедобно – не съедобно» и «вкусно-невкусно». Философскими проблемами о каннибализме они свои головы ещё не успели занять.

Взрослые с неохотой и некоторым отвращением присоединялись к детям и тоже ели вегетариан. Хотя основным их питанием была рыба, грибы и растения.

Но для того, чтобы хорошо кормить население, эти вегетариане постоянно были нужны.

Охотиться на вегетариан решили в окрестностях уже пройденного маршрута, но не ближе чем в ста километрах, а потом и далее.

На самом острие атак была боевая группа самых ловких и сильных парней.

Они передавали добычу по цепочке, состоящей из десяти, а иногда и одиннадцати групп. В тот же день добыча была в городе.

Но такая система просуществовала неделю, потому что, когда одна из десятков атаковала небольшой посёлок, они утащили септалёт, и началась другая по качеству жизнь.

Септалёт давал мобильность. Даже переправить их всех на этом одном септалёте километров за двести было бы быстрее, чем пешком.

Но летали на септалёте исключительно ночью, на малой высоте и прямо к городу не подлетали. А поскольку обнаружили профессиональные пилоты и ещё человек четыреста, умеющих хорошо летать как любители, проблемы доставки мяса исчезли. Но кроме их самих разжиться каким-нибудь питанием у вегетариан было невозможно. Питание было им ни к чему.

Но септалёт, бравший кроме пилота до 400 кило полезного груза, дал возможность и другого источника питания. Этим источником стали склады и крупные магазины в близлежащих и теперь почти пустующих городах, особенно тех, которые были севернее. В эти города на септалёте постепенно перекочевала почти треть общины. Мужчины и женщины из обоза и ополчения. Они готовили продукты, которые прилетающий в эти города по очереди септалёте забирал для Города.

Название городу-поселку так и не дали. Так и называли его «Городом».

Совет рассматривал такое рассредоточение как новую тактику выживания.

Но переселиться в большие города всей общиной было опасно. Поскольку там, большое количество плотоядных людей могло быть замечено и отслежено вегетарианцами. Все жилые города были оборудованы видеокамерами. Вероятность, что их кто-то просматривает и то, что в просмотренном материале мелькнёт плотоядный человек, была низкой. Тем более что принимались всевозможные меры предосторожности. Но в случае большого количества людей вероятность обнаружения их резко возрастала.

Но количество охот на вегетариан резко сократилось, хотя и не прекратилось совсем. Охоты были единичны, и производились они достаточно далеко.

Никогда два раза подряд не охотились в одном месте. Когда находили посёлки с несколькими десятками вегетариан, то их всех уничтожали, а само селение оставляли в полном порядке. Забирали с собой только то, что могли забрать сами вегетариане. Как будто из него вегетариане просто ушли.

Но в относительно больших городах или совсем не охотились или чуть – чуть, по ночам, партизанили на окраинах.

Из свежих овощей в город приходила картошка, одичавшие тыквы, лук, подсолнухи, орехи, крапива. Хрен был всегда. Он рос, где попало. Но хрена много не съешь. Была и конопля. А это всеми любимая и полезная конопляная каша. Но коноплю нужно молотить. А чем и как? Как это делали в древние времена, никто не знал, а фабричного оборудования не было. Коноплю и подорожник чаще использовали как лекарства.

К морю

В середине августа, когда добыли второй септалёт, Сергей не выдержал. Так хотелось полетать, что как говорили в Новороссии «аж свербело». И он уговорил, вернее, упросил Марка дать ему эту возможность.

Он с Ольгой и Алиной пошёл в ночной рейд. Не за продуктами, а так, в разведку.

Конечно, если бы Марк мог представить всё безрассудство Сергея, он никогда бы не дал на это добро. Но Сергей, время, которое Марк его знал, был таким рассудительным, а вовсе не рискованной мужчиной, нуждающимся в адреналине.

Но в самом Сергее зрело.

И вот он, в прошлом участник соревнований на септалётах, о чём он никогда не рассказывал, оказался в воздухе с девочками, впечатление которых уже стало ему очень небезразлично. Надоело быть самым «способным мешком».

Сумерки дошли до своей границы, передавая очередь ночи. Самое лучшее время, чтобы взлететь незамеченным.

Сергей круто взял вверх, под углом в 45 градусов.

Когда септалёт взлетел на километр, Алина заволновалась.

– Ты лихачишь?

– Всё в порядке. Воздух сегодня прекрасен. Оденьте маски.

Вместо пилотных шлемов у них были щитки из оргстекла от старых медицинских костюмов, найденных на какой-то свалке. А одеты они были в толстый кожаменитель с синтетическим мехом внутри, ободраный со стен какой-то комнаты города.

Погода действительно была лётная. Сияли звезды. Падал метеоритный дождь. Можно было загадывать желания. У Сергея было одно желание, но произнести его, ни вслух, ни даже про себя, он бы никогда не решился. Это безумное желание, он даже не сформулировал.

Встречный поток воздуха едва не прерывал дыхание. Так, как сейчас Сергей вёл септалёт, им пользовались только на гонках.

– Может, не стоит изображать из себя самолёт? – сквозь поток ветра прокричала Алина. Септалёт действительно самолётом не был. Он был открыт, как велосипед.

Пять винтов-пропеллеров по бокам аппарата диаметром по метру управляли его движением в высоту. Один – самый мощный – находился прямо по центру септалёта и был заключён в трубу, вокруг которой стояли, а вернее, сидели на стропах пассажиры.

Собственно, там был не один, а четыре винта, двигающиеся по-разному. По часовой, против часовой, каждый со своей скоростью, обеспечивающей максимальную тягу. По два винта было слева и справа.

Два полуметровых пропеллера в трубах по бокам обеспечивали движение вперёд или назад. Все винты управлялись отдельно, и правильно с этим справляться, собственно, и было сутью умения пилота, хотя основную работу делал специальный блок при электронном навигаторе.

Их септалёт достиг трёх километров, когда заволновалась и Ольга.

– У тебя нет высотной болезни? – прокричала она. – Холодно.

Действительно, хотя они были уже нормально одеты, на этой высоте было холодно.

– Ладно, идём на спуск. – прокричал в ответ Сергей.

Он почти выключил передние двигатели, завалив септалёт вперед, и по той же траектории 45 градусов пошёл вниз.

Это напоминало пике. Сергею самому было страшновато, но он с удовольствием смотрел, как глаза его девчонок наливаются ужасом. Это для них... ну, чтобы произвести впечатление, сидевший во взрослом рассудительном мужчине мальчишка устроил этот гоночный финт.

Летели, вернее, пикировали они на юг. Сначала Сергей не знал, куда он полетит. Но сейчас, почувствовав себя свободным, он хотел в Крым – в заповедную зону восточного Крыма, где были горы, виноградники и почти никогда не было людей, даже когда людей было много. И плотоядные люди, и вегетариане предпочитали отдыхать в плавающих островах-отелях южнее Ялты и Алупки.

По его подсчетам, в Крым, это около 700 километров, которые он рассчитывал преодолеть за три с половиной часа.

Достигнув высоты в сто метров, когда крик отчаяния уже был готов сорваться с уст девочек, Сергей опять резко перешёл на подъём.

– Я сейчас уписаюсь от страха, – прокричала Алина.

– Уписывайся, – расхохотался Сергей, – тут можно.

«Я вам покажу, кто скрывается под прозвищем: – самый талантливый из мешков»».

– Смотрите на светлые точки городов, которые мы будем пролетать, и считайте их, – сказал Сергей девочкам, как бы оправдывая собственное безрассудство какой-то, придуманной на ходу, целью. – Результаты потом сверим.

Второе и последующие пике, разгонявшие септалёт почти до 300 километров в час, уже не вызывали в девочках такого ужаса. Но они злились.

Когда Сергею было семнадцать, и он пробовал всё, он участвовал в городских гонках и никогда не приходил последним. Но и в первую десятку ему пробиться не удавалась. И он оставил этот вид деятельности.

Но в глазах этих молодых девочек он хотел перестать быть мешком. И пусть злятся.

Гонки на септалётах в последнее время считались уделом тронутых. Зрелищным спортом они не были, да и несчастные случаи периодически случались.

Но всё это было в прошлой жизни, а в этой – он в одежде варвара, с самодельным топором за поясом выжимал все силы из этого замечательного аппарата.

Часа через четыре после старта, он посадил септалёт в восточном углу бухты Весёлое.

Он заметил, что девочки, молчавшие последнюю часть дороги, дрожат.

– Замёрзли?

– Я всё ждала, когда мы разобьемся. Гад! – зло ответила Ольга. – Сейчас мы будем тебя бить. Медленно, флегматично и с удовольствием.

Затем вместо того, чтобы бить Сергея, они сбросили свои шкуры из искусственной кожи и нагишом забежали в море, которое было в нескольких метрах от аппарата.

Сергей последовал их примеру.

Море было тёплым и ласковым. Волн практически не было. Так, рябь.

В метрах десяти – двенадцати от берега были несколько скал, ниже уровня воды, покрытые мидиями.

– Надо будет набрать! – прокричал Сергей своим спутницам, отплывшим от него метров на пятнадцать – двадцать. Они хохотали и что-то говорили друг другу.

Но, расслабившись в море, он понял, как устал. Напряжение полета, хотя кроме движений рукоятками он не делал ничего, сказалось во всем теле.

Он вышел на берег и, расстелив свою одежду, улёгся на неё.

Приподняв голову, он смотрел, как выходят из моря его обнажённые спутницы, и любовался их телами.

Это, видимо, привело к физиологической реакции, на которую и обратили внимание вышедшие из моря девочки.

– Не сопротивляйся. Иначе убью – сказала Алина

– Сдаюсь, – ответил Сергей,
Его насильовали в первый раз. Но это было прекрасно.

Примерно через час, когда всё закончилось, счастливый и опустошённый, преодолев свое расслабленное состояние, Сергей встал и провозгласил:

– Собираем мидии, – и первым, взяв пакет, вошёл в море.

Девчонки, опять хохотали и шептались. А потом пошли следом.

Сергей рвал почти все подряд мидии, наполнив пакет минут за пятнадцать.

– Тут рядом виноградное поле. Полетели на него, – сказал Сергей, когда они наполнили аквакультурой по несколько пакетов.

Положив в септалёт пакеты мидий не одеваясь, они перелетели к рядам виноградных лоз, которые находились в метрах двухстах от берега. Найдя кучу старых ящиков, они стали заполнять их почти созревшими виноградными гроздьями. И увлеклись этим занятием и поеданием почти созревшего винограда.

– Пора, – очнувшись от этого занятия, сказал Сергей. – К рассвету нужно вернуться.

– Мы не успеем, – сказала Ольга.

Сергей посмотрел на небо и понял, что она права.

Они осмотрелись.

К югу была роща в несколько высоких деревьев. Только там, если не улетать от моря, и можно было на день спрятать септалёт.

Так они и сделали.

Роща состояла из деревьев тут и двух огромных деревьев грецкого ореха.

Сбоку она была совершенно прозрачной, но сверху кроны должны были хорошо закрыть септалёт. Но они закрыли его старыми ветками, которые набросали на септалёт, укрыв винты своей одеждой и пакетами, а с оставшимися пакетами и в одной обуви, которая походила на нечто среднее между тапочками и валенками, отправились к морю.

Сергей, уже никак не скрывая, любовался телами своих спутниц, а те наигранно застенчиво улыбались.

День прошёл сказочно. Они купались, загорали, занимались любовью, ели виноград, тутовник и орехи, собирали мидии, виноград и даже собрали один кулёк тутовника. Ольга прекрасно лазала по деревьям и трясла их. Оставалось собрать поспевшие ягоды.

Чуть позже полудня они поспали несколько часов и к вечеру были свежи и готовы к новым подвигам.

Когда на небе сквозь наплывшие облака они увидели несколько звёзд, они взлетели.

Времени на возвращение у них было много и спешить было некуда. И Сергей, набрав высоту пятьсот метров, старался находиться под облаками, держа курс от облака к облаку.

Но когда они пролетали над Азовским морем, пошёл дождь.

Сергей хотел взять выше облаков, но тут они заметили, что к ним с разных сторон приближаются два септалёта.

Их септалёт был тяжело нагружен, и шансов уйти от этих септалётов с этим грузом не было никаких. Да и без груза, если признаться честно, их не было. Тем более что возможности сбросить груз у них в воздухе практически не было.

Сергей направил септалёт вертикально вверх и на полном ходу вошёл прямо в облако. И завис.

Но висеть долго было бессмысленно, потому что к двум замеченным ими септалётам могло прибавиться ещё несколько.

Сергей ругал себя последними словами, что втянул в это путешествие девчонок. Он признавался себе, что хотел именно того, что произошло на берегу, хоть и не думал об этом. На девчонок он старался не смотреть.

Он опять направил септалёт вертикально на самой большой скорости, надеясь проскочить незамеченным, в облако, которое было выше.

Это ему не удалось, хотя и принесло некоторую пользу.

Септалёты вегетариан пролетев облако в котором Сергей прятался, но не обнаружив никого сверху, в этот момент резко спускались вниз. Они не могли немедленно поменять спуск на подъем, поэтому расстояние между ними и септалётом Сергея резко возросло.

Проскочив следующее облако, Сергей направил септалёт к самому удаленному его краю, и когда достиг его, пустил септалёт в пике. То есть включил моторы, работающие на подъём, в обратную сторону. Отчего скорость падения многократно возросла по сравнению со свободным падением. При этом двигатели движения вперёд работали на полную мощность.

Септалёт влетел под грозовую тучу.

Но очень скоро Сергей увидел, что следом за ним движется один из септалётов вегетариан. Второго видно не было. Наверное, гроза мешала связи по коннектам.

Но септалёт вегетариан приближался, и приближался быстро. Он был более мощный.

«Если там есть парализаторы, нам хана», – подумал Сергей.

Сергей стал прижиматься к воде, рассчитывая, что вегетариане либо не рискнут опуститься так низко из-за довольно высоких волн, или в последний момент повторить финт с резким уходом вверх.

Но вегетариане не дали ему этого шанса. Их септалёт завис над септалётом Сергея, образовав для него воздушную яму и давя его потоком своих винтов. Сергей понял, что до того, как его септалёт упадет в море, осталось максимум пара минут.

Тут справа, на расстоянии около километра, в море ударила молния. Выждав секунды три, а время для него как будто растянулось, Сергей направил свой септалёт в сторону удара молнии в надежде, что сильный громовой раскат отвлечёт вегетариан, и он сумеет выскочить вверх и рвануться в грозовую тучу, надеясь, что вегетариане побоятся за ним последовать.

Не тут-то было. Вегетарианин, как будто разгадал мысли Сергея и точно в ту же секунду сдвинул свой септалёт в ту же сторону, не дав ни единого шанса выскочить из-под его септалёта.

И тут произошло то, что иначе как чудом назвать было нельзя. Они влетели в самый центр грозового фронта, и молния ударила!!!

Молния ударила в находящийся над Сергеем септалёт вегетариан, почти расколов его. Их септалёт потерял управление, и Сергей едва успел вытащить свой септалёт из-под рухнувшей вниз машины.

Сергей на всей возможной скорости, наклонив септалёт, что делать при подъеме чрезвычайно не рекомендовано, пустил его вверх, к противоположному краю грозовой тучи в надежде, что энергия для следующего удара молнии не успеет собраться, пока они преодолевают опасную зону. Но не успел. Молния прошла через задний левый двигатель его септалёта, и двигатель перестал работать. Но это было не смертельно.

Когда септалёт вылетел из-под грозового облака, он резко пошёл вверх. Конечно, вылететь выше грозового облака на септалёте возможности не было. А их септалёт был ранен и перегружен. Но чем выше он находился, тем большая возможность была на резкое ускорение, чтобы выскочить из-под грозы или уйти от септалётов вегетариан.

Второго септалёта вегетариан нигде видно не было. Гроза надвигалась с запада, и Сергей взял курс на северо-восток.

Когда стало ясно, что гроза прошла южнее, под ними уже была сплошная полоса леса. И только на западе виднелись огоньки какого-то небольшого городка.

Сергей направил септалёт в его сторону, и приблизительно в километре от края леса посадил септалёт на подвернувшуюся полянку.

Сергея трясло. Он отстегнулся, вышел на полянку.

– Я отойду на пару минут, – сказал он девчонкам, отстегнувшись и стараясь не выдать своего состояния.

– Как? Ты ещё не сходил? – язвительно пошутила тоже отстегивающаяся от септалёта Алина.

– Представь себе, нет, – ответил Сергей. – Меня от страха заклинило.

– Ты нас спас, – серьёзно сказала Ольга.

– Нам просто повезло, девочки. Но если мы выберемся, пожалуйста, не рассказывайте в городе подробностей.

– Почему?

– Иначе нам больше никогда не получить септалёт.

– Что до меня, – опять язвительно сказала Алина, – то я не очень расстроюсь.

– Мы полетим сегодня? – спросила Ольга.

– Я думаю, стоит посмотреть, что с нашим мотором, и посмотреть на активность вегетариан, – сказала Алина.

– Не думаю, – ответил Сергей. Когда они завтра очухаются, нам не удастся прорваться.

– Но и сегодня не удастся, – сказала Алина, и словно в подтверждение её слов, чуть дальше от городка, рядом с которым они находились, пролетел септалёт.

«Да... – подумал Сергей, – Второй гнавшийся за нами септалёт уцелел, и сейчас они определили зону поиска. Даже если прорваться к Городу, мы приведём за собой вегетариан. А этого нельзя».

– Тогда быстро маскируем машину, – скомандовал Сергей и стал закрывать её ветками, которые он своим топориком смог срубить недалеко от поляны.

Девчонки тоже работали в полную силу. Через двадцать минут септалёт нельзя было различить даже с расстояния пяти метров по горизонтали.

– А теперь – на разведку в посёлок. Но тихо. Вегетариане нам сейчас не нужны, ни живыми, ни мертвыми.

В город вошли на пару километров южнее места, где оставили септалёт. На всякий случай. Вдруг будут работать уличные камеры и их кто-то будет смотреть.

В городе им было интересно многое. Магазины, апартаменты. Улица Гумилёва, на которую они вошли, была ярко (впрочем, как и остальные улицы) освещена фиолетовыми лампами-светлячками, которыми были покрыты стены всех домов выше первого этажа. Два магазина, которые они встретили по дороге, были закрыты. Нарываться на сигнализацию в их планы не входило. А вот окна домов были темны.

Пройдя несколько подъездов, они нашли незапертые апартаменты и вошли внутрь.

Лифты они не включали. Ходили исключительно по аварийным лестницам.

Первое, что они сделали – плотно закрыли жалюзи и шторы так, чтобы наружу не проникал ни один лучик света, хотя за уличной освещённостью их непросто было бы заметить.

Как назывался город, они не знали. Пользоваться Глонассом было нельзя, а навигатор септалёта показывал исключительно траекторию маршрута, ориентируясь на собственные датчики движения. Тут учитывался и ветер, и движение Земли. Так что заблудиться и не вернуться было невозможно. Но определить по траектории их местонахождение мог лишь человек, хорошо знающий карту, хотя бы так, как Сергей знал карту Крыма.

В апартаментах, где они оказались, были и джакузи, и арома-душ со всеми косметическими средствами. Они этим с удовольствием воспользовались.

Особенно теперь это доставляло Сергею особое удовольствие.

Они осмотрели всё, что было в апартаментах, и забрали всё, что посчитали полезным и что они могли поместить на уже заполненный септалёт. Находки состояли из одежды, постели и мелкой кухонной утвари, которую не убила глобальная автоматизация процесса питания.

Съели стейки из заморозки с бутылкой красного вина.

Помянули несчастных хозяев и воспользовались огромным диваном с белоснежными простынями.

Это было прекрасно.

Потом девчонки по очереди дежурили у окна.

Сергею было неясно, то ли они над ним посмеиваются, то ли уже ненавидят. Но он решил отбросить свои комплексы и паранойю.

Утром, которое началось для них часов в 10, поели и, оставив собранное, пошли аккуратно осматривать другие подъезды. Моросил мелкий дождик и небо было затянуто облаками.

И вдруг – удача!

Мастерская по ремонту септалётов стояла с открытой. Ангар похлопывал на ветру створкой ворот. А внутри стояло несколько современных машин. Причем один из септалётов был муниципальным. То есть намного более мощным.

Да и септалётом его называли скорее по привычке закрепившегося названия.

Он имел шесть расположенных кругом мощных пропеллеров вертикального взлета и четыре для горизонтального движения, расположенные в один ряд, и хвостовой руль.

А в самом центре была прозрачная обтекаемая загородка для пассажиров или груза. Рассчитана она была на шесть человек.

– Девочки! Кто-то из вас умеет водить септалёт?

– Так как ты – нет. А вообще, на ролевые игры я всегда летала на септалёте. Это до пары сотен километров. И на таком несколько раз летала, – ответила Ольга.

– Я тоже, в принципе, умею, но пользовалась септалётом очень редко и чаще летала с кем-нибудь из родителей.

– Понятно. Значит, летим на двух септалётах.

Муниципальный септалёт был в полном порядке, не считая слегка помятых спереди бамперов и неработающего прожектора. Одного из трёх.

Остальные септалёты были травмированы серьёзней, но были запасные моторы, инструмент и, самое ценное, радиевые аккумуляторы.

Всё, что было можно, загрузили на муниципальный септалёт. И решили, что его поведёт Ольга, а Сергей с Алиной полетят на оставленном в лесу. Как отремонтировать его, тем более если нужно менять двигатель, ни Сергей, ни, естественно, его спутницы не знали. Но он летал. А кроме того, никто не знал, как переставить на новый септалёт навигатор, чтобы не стереть с него данные.

Ни септалётов, ни тем более полицейских вертолётчиков вегетариан в воздухе видно не было весь день. Видимо, они были для вегетариан «иголкой в стоге сена», и их решили больше не искать. Тем более что вегетариане могли думать, что тот септалёт, который они видели над азовским морем, управляется попавшими в бурю вегетарианцами. Могли предположить, что он, как один из преследовавших их септалётов, погиб в буре.

Сделав такую находку, было решено не рисковать и не светиться на улице. Поэтому, когда стемнело, добытый в апартаментах, где они ночевали, скарб, они тоже загрузили на муниципальный септалёт, и Сергей напрямую повел его туда, где был оставлен их септалёт.

Там всё было в порядке. И Сергей поднял оставленный септалёт и полетел, показывая дорогу Ольге.

Как ни легка была Ольга, а септалёт, который вёл Сергей, без неё пошёл намного легче. Это было тем более хорошо, что Алина заняла место справа от Сергея. И теперь то, что задний левый двигатель поврежден, сказывалось намного меньше. Вести было легко.

Поднявшись на тысячу метров, Сергей взял точный курс на то место, где находился город. Сделал он это на всякий случай, чтобы на навигаторе Ольги существовало хотя бы направление, если они вдруг потеряются.

Ольга летела примерно в 50 метрах за Сергеем. Алина следила, чтобы она не отставала, но это было лишнее. Септалёт, на котором летела Ольга, был мощнее, и, несмотря на загрузку, мог легко догнать их.

Казалось, что из-за облаков совершенно темно, и если бы не пара включенных ламп с поляризованным светом, видеть друг друга им было бы очень непросто.

Через три часа, замёрзшие и усталые, они приземлились в той точке, откуда стартовали два дня назад.

Там их ждали. Ждала, в том числе, Марго. Победителей не судят. Если бы они не привели «лишний» септалёт, их бы ждал капитальный разнос.

А так всё внимание встретивших их было направлено на разбор трофеев и восхищение ими.

Но когда Марго с Сергеем на несколько секунд остались наедине, Марго одарила его гневным взглядом и титулом:

– Ты – похотливый медведь. Ты вообще соображаешь, что ты делаешь?

Расспрашивать, что имела в виду Марго, Сергей не стал. Кроме того, что Марго поняла изменение отношений его, Алины и Ольги, Сергей не понял ничего. Что он должен был сообщать? Но победителей (а притащить муниципальный септалёт было большой победой) не судят.

Конечно даже муниципальный септалёт против вертолётa – как велосипед против корабля, но всё же...

Марго вряд ли имела в виду, что он изменил Натали.

Сергей вспомнил о Натали и загрустил.

Что с ней стало? На каких столбиках она нашла свой конец? Она родила ему таких красивых и умных детей.

Оставив всю разборку трофеев молодёжи, он поспешил к Юле.

Город обзаводился оружием и другим необходимым оборудованием.

Но Сергею брать септалёт Марк больше не разрешал, объясняя это заботой о безопасности Сергея.

– Полководцам незачем бряцать оружием. Тебе раз повезло? Но это не значит, что будет везти, не прекращая. А на тебе жуки. А жуки – это надежда общины.

Разведчики Североморска

Однажды, в начале октября, их нашли три человека из группы, которую на север увёл Григорий.

Они сообщили, что Григорий послал их к Сергею.

Их привели в апартаменты Марка, где располагался штаб. А Марк сразу вызвал Сергея.

Разведчики рассказали, что в Североморске, куда Григорий их таки довел, они не встретили ни одного вегетарианина.

С питанием как-то наладилось. Рыбы в море и Ваенге достаточно, но с зеленью и прочими овощами – проблема. Пытаются наладить теплицы.

Зато теперь у них есть флот, состоящий из двух старых торпедных катеров, одного ракетного катера, одной старой самоходной баржи, а ещё один траулер, один сейнер, подлодка не на ходу на старой верфи, а в ней две забытые когда-то ракеты «калибр» с ядерными боеголовками.

Конечно, это не оружие против 20 миллиардов зелёных уродов, но всё-таки.

– Григорий сказал, – сообщал Марку и Сергею разведчик, – что когда вы что-то будете делать, если будете, то он сможет вывезти эти ракеты куда-нибудь подальше от Североморска, например, за Скандинавский полуостров, и нанести удар по двум мегаполисам юга Европы, теперь принадлежащим вегетарианам.

Пока Марк расспрашивал подробности того, как они устроились, и как им удалось найти его группу, Сергей смотрел в окно и размышлял об эволюции.

Потом он повернулся к Марку и гостям.

– Я думаю, не стоит тратить заряды на мегаполисы. Нужно нанести удар по складам ядерных отходов, находящихся невядалеке от океанических течений.

Нам небольшое повышение радиационного поля большого вреда не причинит...

– Но ведь вегетарианам такое увеличение фона вообще никакого вреда не причинит? – удивленно спросил Марк.

– В том, что говорил Григорий, когда мы только освободились, есть большой смысл. Повышение радиационного фона резко ускорит эволюцию вегетариан, и если их не победят жуки, то их победит собственная природа. Их потомки станут большими картофельными клубнями.

– Но ведь, когда это будет? И вдруг они снова наладят своё клонирование?

– Я не отказываюсь от жуков, но радиационный фон – это хороший вариант «Б» для тех, кто сумеет дожить до будущего. А налаживать клонирование – это стать уязвимыми. Есть и ещё один довод. Если ударить по мегаполисам, вегетариане начнут воспринимать нас всерьёз, и тогда нам крышка. А взрыв в хранилище ядерных отходов автоматически спишут на какую-то не выявленную ошибку в технологии хранения. А воздействовать это будет не на два мегаполиса, которые быстро могут быть восстановлены. Кроме того, мегаполисы нужны были нам. Вряд ли вегетариане заняли наше жильё. Оно им ни к чему. Мы видим это по близлежащим городам и по тому же Североморску.

– Григорий считает, что нам нужно наладить постоянную связь. Вот тут мы привезли несколько рефонов. Определим время связи, и можно будет связываться. Вот тут даты и время, которые записал Григорий для первых сеансов.

– Прекрасно. Хорошо бы иметь какую-то связь и с третьей группой.

– Её уже ищут. А может, уже нашли.

Сергей подумал, что как генерал Григорий превосходит и его, и Марка, потому что он, Сергей, думает только о войне, Марк – о людях под его командованием, а Григорий пытается увидеть общую картину и создать координацию.

Но хорошо, что партизанская война таки началась. Человечеству предстояло доказать преимущество естественной эволюции и вернуть себе цивилизацию.

Землянам повезло, что когда создали вегетариан, войн уже не было.

Оружие, которое осталось, и сама психология людей уже изменились таким образом, что не предполагали умения и понимания военных ситуаций.

А вегетариане ещё и не любили учить историю. Это была не их история. Их история, так они считали, только началась. Они даже художественную литературу отвергали. Проблемы плотоядных людей, борющихся за пищу и жилье, были не их проблемами.

Это давало шанс.

Вегетариане уже упустили момент, когда всех можно было уничтожить одним махом. Сергей хвастливо думал о своей роли в этом. Оставь они по охраннику на каждом поле столбиков, и всё было бы кончено.

А сейчас группы плотоядных людей начали борьбу за возрождение своей Земли, своей цивилизации.

«Мы знаем нашу историю и книги о беспощадных войнах наших предков читали. Мы будем жрать землю и вегетариан, но мы победим. Мы справимся». – Думал Сергей.

Север для вегетариан не особенно подходит. Там нужно одеваться, а такой одежды, через которую свободно проходит свет, пока не создали.

Так что надежда есть. Нужно также подумать о поиске какого-то большого северного города, а лучше окружённого мелкими посёлками, где можно затеряться, и где можно будет начать настоящий научный штурм уничтожения вегетариан. А пока нужно работать. Город в будущем будет прекрасной базой для нападения. Мы не далеко от вегетариан.

– Марк! Я хочу слетать к Григорию. Нужно точнее выяснить обстановку, возможности и обменяться идеями. Заодно и возвращу ребят.

– А как назад? Один?

– Если я возьму муниципальный септалёт, это будет и быстрее, и я смогу взять и свою охрану, – сказал Сергей, внутренне смущаясь, – и кое-какие подарки северянам.

– Нужно подумать. А пока я организую ребятам хороший отдых.

Сергей понял, что «подумать» Марку нужно вместе с Марго.

«Вот же подкаблучник!» – подумал он. Хотя и сам он всю жизнь был подкаблучником. Завтра много дел.

Полёт с интригой

Полёт Сергея в Североморск Марк разрешил, но с профессиональным пилотом. Видимо, кто-то из девчонок проговорился о кренделях, которые выделял Сергей по дороге в Крым, и это как-то дошло до Марго. А может, самой Марго и проболтались.

Ну и ладно. Хорошо, что разрешили лететь вместе с Алиной и Ольгой.

В Городе они свои «особые» отношения не демонстрировали, в лесу – да, но уже было прохладно, и это отвлекало. А продолжить эти отношения Сергею очень хотелось.

Пилота, которого Марк дал Сергею в полёт, звали Паша. Он работал с экскурсиями в районе Чернобыля. Там сохранилось много нетронутых объектов времён позднего средневековья, 19 – 20 веков.

В Екатеринослав прилетел за туристами. Там его и взяли на вегетаризацию.

Вот так, всемером, и полетели они на север. Им предстоял очень долгий путь в две с половиной тысячи километров.

Лететь решили ночами, но не всю ночь. А по семь-восемь часов, используя облачность.

Ребята из Североморска очень радовались полёту, потому что путь к Сергею вместе с его поисками занял у них почти полтора месяца, даже с учетом того, что часть пути они проделали на таком старом автомобиле, что тот ездил ещё по земле. Нашли они автомобиль в каком-то посёлке возле Зареченска. Для него давно не делали дорог, а старые дороги практически исчезли. Алик и Володя, хорошо разбиравшиеся в технике, как-то его наладили. Но в районе Харькова издох блок питания машины. Как его зарядить и возможно ли его зарядить, они не знали, и дальше они шли пешком.

Поэтому они были очень довольны полететь назад на септалёте.

Сергею пришла в голову идея, но до вылета из лагеря он её не оглашал.

Когда полетят, он будет главным, и навязчивая «забота» Марго ему не мешает. А жуками, в принципе, занимается Карл. Сергей при нём, как лаборант. Поэтому своей жизнью он мог позволить себе рискнуть. Жизнью Алины и Ольги рисковать не хотелось.

А мужики... они для того и мужики, чтобы рисковать.

Самого старшего из сопровождавших звали Али или Алик. Ему было почти сорок. Он был в группе не только старший по возрасту, но и вообще старший. Он был узбеком, и совершенно непонятно, зачем пошёл с Григорием в Североморск. Хотя, как он рассказал, одно время он работал в техническом обеспечении летающих барж во Владивостоке. Собственно, летающими их только называли. Они иногда плыли. Это давало значительное преимущество в скорости движения. А взлетали они или в совсем ясную погоду, пользуясь эффектом экрана, или во время шторма. Ну и когда море покрывалось льдом. По льду скользили.

Скорость движения барж по льду была очень быстрой и поэтому была намного дешевле.

Северный морской путь в зимний период стал главной транспортной артерией северного полушария планеты.

Скорость гружёных барж по льду достигала трехсот километров в час.

Видимо, море и потянуло Алика в Североморск.

В Екатеринослав он поехал в отпуск, к племяннику. Тут их и накрыла вегетаризация. Его жена и дети остались в Узбекистане, и даже догадываться об их судьбе никому не хотелось.

Второго, который был лет на пять моложе Али, звали Владимир. Почему он пошёл с Григорием, было совершенно ясно: родом из Крыма, а жил и работал в Мурманске.

Владимир на вегетаризацию попал прямо из самолёта, который тогда по неизвестной ему причине сел в Екатеринославе. А летел он к матери в Симферополь.

Третьего, самого молодого и просто огромного, звали Виталий. Почему он пошёл с Григорием, он не рассказывал, и вообще о себе ничего не говорил. Ну и ладно. Все кого-то поте-

ряли. Сергей был счастлив, что его дети живы, но вздыхал о печальной судьбе своих близких. Натальи, брата в северной Америке, брата в западной Европе, сестры, отца, матери, которые, хоть и жили отдельно, были ему одинаково дороги. А его бабушка полетела к сёстрам в весенний Львов. Эх...

«Надо оставить воспоминания как-нибудь на потом, – думал Сергей. – Сейчас нужно смотреть вперёд».

У пришедших с севера ребят была старенькая «таблетка» на солнечной батарее с картой. Они сказали, что в Североморске на каком-то складе нашли таких пару десятков. Конечно, там была не только карта, но таблетка быстрее разряжалась, чем заряжалась солнцем. То ли технологии, когда её делали, были ещё слабые, то ли батарея от времени стала хуже работать, но раз в два часа можно было пять минут посмотреть на карту. Но это было уже замечательно. Карта была подробной, и они всегда знали, где находятся.

Сергей не сомневался, что одну таблетку он выпросит.

А по карте выходило, что в отличие от Григория, они просто топтались на месте. Их Город находился в районе Алексеевки. Это чуть юго-восточнее Старого Оскола. Кто был «Сусаниным» – он или Марк – сказать трудно.

Ну да, с септалётами дело пойдет быстрее, если куда-то нужно будет перебраться.

И сейчас все, кроме Сергея и Паши, сидели в центральной загородке – «кабине» септалёта.

Паша вёл септалёт, а Сергей был готов в любую минуту, если это вдруг понадобится, его подменить.

Девочки оживлённо разговаривали с северянами, что Сергею совсем не нравилось. Он уже привык, что это были его девочки. А он, по сравнению с северянами, старик.

Первую остановку они сделали возле Орехово-Зуево, рядом с Москвой.

До этого Сергей молчал. Ему всё равно было, с какой стороны подлететь к Москве.

Они летели на север, но старались держаться под облаками, чтобы ни в коем случае не быть замеченными спутниками. На большем протяжении пути небо было полностью обложено дождевыми облаками, но до грозы дело не доходило. Да и что им гроза? Кроме того, что они были уже, хоть и по-дикарски, но достаточно хорошо одеты, они могли, посадив септалёт, отсидеться в кабине. Благо там места хватало.

Но когда они сели неподалёку от Орехово-Зуево, неожиданно распогодилось.

Замаскировав септалёт, они легли в нём спать, выставляя часовых по расписанию. Сергей выбрал (у него была возможность выбирать) самую последнюю смену. С трёх дня.

Предпоследним дежурил Виталик.

День был тёплым и солнечным.

«Переживут», – подумал Сергей, и когда Виталик улёгся, стал распаковывать свой тайный груз. В этом грузе тайным была зелёная краска.

Через полтора часа он поднял всех.

– Ребята, можете считать, что выспались. Раздевайтесь, и по коням.

– Что значит «раздевайтесь», и почему сейчас, пока не стемнело, и при ясном солнечном дне? – ещё не придя в себя после сна, спросил Паша. Остальные тоже были удивлены тем, что говорит Сергей.

– Именно потому, что солнце, ясное небо, нужно окраситься зелёной краской, которую я тут развел, и вперёд, прямо через Москву. Вот спортивные трусы, которые носят вегетариане. Надеюсь, размеры угадал. Остальное – в этот мешок. Вот краска. И поторапливайтесь. Хватит нам ничего не знать о жизни вегетариан без нас. Над Москвой мы должны успеть пролететь засветло и на обычной высоте – сотня метров.

– А как спутники?

– До этого места нас проследить не могли, а сейчас мы будем лететь со стороны Урала. Даже если кому придёт в голову отслеживать записи полёта обычного септалёта, то летел он со стороны Урала. Ещё вопросы есть?

Девчонки переглянулись. Конечно, первые дни, когда они только освободились со столбиков, никто вообще не обращал внимание на наготу, но сейчас обнажить грудь при компании мужиков, видимо, было для них было не совсем комфортно. Но ничего не поделаешь. Маскировка другой быть не может. Вегетарианки ходили с неприкрытой грудью.

– Прохладно, – сказала Ольга, раздевшись.

– В кабине ветра не будет, – по-деловому, без всякого кокетства отреагировал Сергей.

Конечно, девчонки будут опять сидеть в септалёте полуобнажённые, но теперь согласно его плану.

Сергей надеялся, что сидеть в загородке долго не придется. Но остальную часть плана до поры он раскрывать не собирался.

– Только ножи далеко не прячьте. Мало ли?

Сам он разделся и намазался краской.

Маскарад был что надо. Если бы он не знал всех, с кем он летит, то кроме Виталика (таких, как он, вегетариан он не видел), окружавшая его компания выглядела как клонированные вегетариане или вегетариане первого поколения.

Кулинарная краска, добытая в доме по улице Гумилева, пригодилась. Хотя сразу он даже не знал, зачем он её взял. Цвет, конечно, немного отличался, и вблизи это можно было бы понять. Но для этого уже нужно его рассматривать. А при отсутствии подозрений, с других септалётов они выглядели обычной компанией, возвращающейся с пикника на служебном септалёте.

– А теперь курс на Москву. Виталик, ты для вегетарианина великоват, так что пристегнись пониже.

И они взлетели.

– Можно уточнить, куда летим? – спросил Паша, когда они подлетали к Москве.

– Через центр не надо. Над каким-нибудь окраинным районом высотного строительства.

– И что мы там хотим увидеть?

– Мы хотим увидеть, не взорвали ли эти районы вегетариане, чтобы строить свои солярии. Куда-нибудь между центром и Шереметьево. Но когда полетим над высотками, очень низко и не быстро.

Над городом мимо них на разной высоте и в разные стороны иногда пролетали другие септалёты с вегетарианцами. Но маскировка работала отлично. Внимания на них никто не обращал.

Внизу тоже было заметно движение. Но цвета, идущих снизу, они не видели. Москва как Москва. Как будто и не было катастрофы.

– Знать бы, какой день. Календарь у нас сбился, – посетовал Сергей.

Но вот они приблизились к сорокаэтажкам в Химках. Собственно, это были не отдельные дома, а один огромный шестиугольный комплекс, смыкающийся посередине шестью линиями домов и шестью зелёными парковыми треугольниками между ними.

В самом центре находилась большая распределительная станция пневмотрамвая. Пневмотрамвай существовал только в мегаполисах с населением более 10 миллионов. Но главное было не это.

Главным было то, на что Сергей и рассчитывал. Крыши домов были заставлены септалётами.

– Садись, – скомандовал Паше Сергей.

– Теперь понял, – сказал тот, улыбаясь.

Они осмотрелись. Все септалёты были личными. Личные септалёты делились на две категории: четырёхместные (но можно было разместить пять человек, если считать с пилотом) и двухместные. На двухместных можно было разместить троих, если этот третий – маленький ребенок. Двухместные были маленькими по размеру и маломощными. Если обычный четырёхместный развивал скорость в горизонтали до двухсот пятидесяти километров в час, то у двухместного максимальная скорость по горизонтали была до 80. Муниципальных и полицейских септалётов на крыше вообще не было видно.

– Давай вниз, Паша. Там и замаскируемся.

Они слетели внутрь, в парковую зону и стали под одной из галерей, соединявших дома. Всё выглядело заброшенным. Было видно, что здесь давно никого не было.

Теперь скрывать план стало незачем.

После пристрастного допроса все, кроме Алины и Виталия, утверждали, что умеют хорошо водить септалёт.

– На крышах обычные частные септалёты. Думаю, они в нормальном состоянии. Но прежде, чем улетать на них, стоит пройтись по апартаментам внешних блоков шестигранника. Посмотреть какие-нибудь нужные вещи и вообще осмотреться. В окна посмотреть. Потом расскажете. Сбор здесь, когда появятся звезды. Дальше подумаем. Двери апартаментов не ломать, они могут быть на сигнализации. Надеюсь, открытых апартаментов хватит. Интерактивную электронику не включать. Вегетариане нам здесь не нужны. Идём командами, но не разделяться. По одному не ходить. И оружие должно быть наготове.

Если что... ну там, вегетариане – улетать на септалётах, которые на крыше, в Орехово-Зуево, в то место, где мы были вчера. Да, и ещё. Лифтами не пользоваться, идти по лестницам. На крышу не выходить, но выход проверить. И последнее. Самое важное, что нам нужно – зелёная кулинарная краска. Операцию провели прямо перед Пасхой, так что краска должна быть. Многие блюли традиции.

Разбились на три команды. Паша с Виталиком, Алик с Володей, и Сергей со своей девичьей охраной.

Команда Сергея выбрала самую северную сторону шестигранника

– Ты за септалётами сюда прилетел или чтобы поискать апартаментики? – с улыбкой, но без всякого ехидства и иронии спросила Ольга.

– Совмещаю приятное с полезным. Нам нужны не только септалёты, но и карты. Но больше всего нам нужна информация. Поэтому сегодня мы на север не полетим.

Химки

Сергей входил в этот огромный дом одновременно как в пещеру Али Бабы и как на кладбище. Было понятно, что никто из тех кто здесь жил со столбиков не вернулся. Он не чувствовал себя мародёром, о которых знал из истории. Его целью было не обогащение. Целью была борьба. Целью была месть за не вернувшихся сюда людей и возрождение их культуры, их цивилизации.

Открытых апартаментов было много. Вегетариане, уводя хозяев, не утруждались их закрыть. Закрытыми были только те жилища, хозяев которых не было дома.

Они поднялись на тридцатый этаж и начали более детальный осмотр апартаментов.

Москвичи жили удивительно социально. Почти никаких нестандартных предметов быта. Автокухни, которые не утащишь, спальни, разовые простыни, информеры, включать которые было нельзя, поскольку система сразу выдаст меню, и это сразу станет известно в центре информации. Была городская обувь, не особо подходящая для леса, но всё же...

У девчонок, и это было совершенно ясно, пока не было никакого желания использовать уединение и цивилизованные условия для того, ради чего Сергей и придумал этот план. Да и у него этого настроения не было. Грустно было.

Они связали из разовых простыней мешки и шли этаж за этажом вверх, постепенно их наполняя.

Смотрели в окна. Никакого движения снаружи шестиугольного района с их стороны видно не было.

И вдруг на последнем этаже, когда ноги уже болели от лестницы, и дышалка шалила – удача.

Было даже неясно, апартаменты ли это. Какой-то коллекционер превратил свои апартаменты в музей электроники. А может, это был музей микрорайона. Кто их, москвичей, разберёт.

Но сейчас это было неважно. По стенам были десятками развешены таблетки, ноутбуки, мини-ПК, электронные очки, часы, бинокли, микроскопы, солнечные батареи, телескопические трубы с электронным фокусом и тьма других устройств. Под каждым была подпись и год производства.

Сергей сразу включил самый старый планшет. В нем была интерактивная карта Земли и многое другое. Были несколько сотен тысяч книг, сотни фильмов и игр. То, что висело вокруг, было бесценно.

Цивилизация... Пусть предыдущих веков, но их цивилизация возвращалась к ним.

Настроение резко улучшилось. И пока Сергей разглядывал всё это богатство, ещё не решаясь снять со стены ещё что-то. А Ольга нашла в параллельных апартаментах шесть двухлитровых бутылей сухого вина в плетёных корзинках, две литровых бутылки спирта и два закрытых пятилитровых бочонка с красным пивом «Рябина».

– Прямо алкогольный склад какой-то.

– Да уж! Последний этаж оказался находкой. Жаль только, краски мало, – ответил Ольге Сергей.

– Как мало? – спросила Алина. – 10 упаковок. Это нам на десять раз окраситься.

– Нам – да. Но, возможно, не только сегодня и не только мы должны будем этим воспользоваться. Надеюсь, другие найдут не меньше.

Сергей отложил находки.

– Девочки! А не откупорить ли нам в честь удачного рейда бутылочку вина?

Девчонки захохотали.

– А мы всё ждали: когда ты наконец созреешь?

Они спустились на этаж ниже. Там была большая джакузи.

Лёжа в ней, и пили вино.

Потом...

В общем, когда в окнах стало совсем темно, они, взяв часть из приготовленного, поднялись на крышу, Сергей выбрал септалёт фирмы «Wujee» (они считались самыми надежными), они сели в него и чуть повисев над крышей, спустились вниз, где их уже ждали.

Удача в Химках

Оказалось, удача была не только у них. Алик с Володей обнаружили апартаменты с включенным информером. Поэтому вниз спустился только Володя. Удачные находки были и у Паши с Виталиком, но включенный информер по размеру удачи почти был равен компьютерному музею.

Даже без объяснений плана Сергея (а это было в его плане) всем было ясно, что ближайšie дни они проведут здесь, глядя в информер.

Информер представлял собой настенный экран, приблизительно два метра в ширину и метр в высоту, где шла лента видео новостей планеты, и бегущая строка новостей вкратце. Можно было выбрать любую новость, и показывали именно её. Но этого делать было нельзя, поскольку активность зрителя в опустевшем районе могла кого-то привлечь.

Все без всяких команд сразу направились за Володей в эти апартаменты.

Вино и спирт Сергей оставил в компьютерном музее, а бочонки с пивом прихватил с собой. Вино он эгоистично оставил для себя и девочек. Спирт решил взять с собой. Это для медиков. А вот пиво... Ну не возить же через полмира бочонки с пивом? Пиво сейчас очень пригодится.

Конечно, он не знал и даже не мог надеяться, что кто-то найдёт включенный информер и что его не отключат от сети. Независимо от этого он хотел оставаться здесь подольше. Пиво, а значит, алкоголь в крови, должны были помочь другим «пережить» это. Хотя, судя по их виду, никто в Североморск не спешил и немного побыть в условиях цивилизации не возражал.

И вообще, место ему и остальным очень понравилось. Будь здесь достаточно питания, можно было бы весь город или большую его часть сюда перебазировать. Всё-таки это человеческое жилище.

Они поднялись в апартаменты с информером.

Володя, видимо, большой любитель пива, с ними сразу не пошёл, а пошёл найти что-нибудь съестное.

Невыполнимой задачей это не было. Замороженные полуфабрикаты были во многих апартаментах. Его обещали подождать. Ну, в смысле, не открывать бочонки до его возвращения.

Вообще Володя был прекрасным спутником. Он был простым мужиком. Без закидонов. Руки и голова росли у него из правильного места.

И когда он вернулся, все притащили в комнату с работающим информером всё, на чём можно было улечься или очень удобно усесться. И про Володю тоже не забыли.

В основном это были надувные пуфы для гостей. Разогрев на кухне закуску, Володя принес её в комнату с информером и присоединился к просмотру.

Смотрели информер более жадно, чем пили пиво. Информер показывал разную вегетарианскую ерунду, но Сергею она была очень интересна.

Показывали различные спортивные состязания: обычно это были состязания, разделявшиеся не по расе, весу или росту, как раньше, а по поколениям вегетариан. Глядя на эти соревнования, Сергей не только взвешивал физическое развитие разных поколений уже с точки зрения их уничтожения, но и напряжённо искал хоть одного бурого вегетарианина. Но таковых не показывали.

Ещё показывали новую летающую гостиницу, выносившую вегетариан в стратосферу, под прямой ультрафиолет. Рассказывали о планах разрушения озонового слоя планеты для получения ультрафиолетовых ванн в любой точке её поверхности. И хотя этот проект не ближайшего будущего, показали группу зелёных учёных, которые над ним работают.

Володя высказался во время этого репортажа очень нецензурно, но всем стало ясно, что дожидаться эволюционной смерти вегетариан не удастся.

Вся сухопутная жизнь на планете исчезнет раньше.

Потом показывали репортажи пан-олимпийских игр для третьего поколения вегетариан и уже часа в три ночи в рамках передач «для тех, кто не спит в соляриях» повторили диспут на тему возможности восстановления озоновой дыры над Австралией.

Один маститый ученый вежливо доказывал, что тогда Австралия станет необитаема для вегетариан, поскольку прямой и постоянный ультрафиолет вызывает быстрое развитие и размножение самых смертоносных насекомых.

Другой участник, видимо, из новых политиков, отрывисто говорил:

– А мы там всё вырубим и выкосим. Не будет растений, не будет насекомых. А все, кто против, просто лицемеры...

– Позвольте! – пытался спорить с ним другой участник. – Но растения тоже живые. Нельзя убивать...

– Кто вы такой, чтобы указывать мне, что можно, что нельзя? Всё, что делается для нашей пользы, можно.

– Позвольте! – опять пытался возразить другой. – Но если уничтожить растения, изменится климат и не станет пресной воды...

– Вы вообще ничего не понимаете, – отвечал ему политик. – Куда, по-вашему, денется пресная вода? Куда? Покажите мне это место. Больше испарения – больше пресной воды. И вообще, всю воду нужно сделать пресной. Нужно убрать из океанов соль.

– Да вы даже не понимаете, о чём говорите...

– Я не понимаю? Мерзавец! Я понимаю. Я понимаю, что для того, чтобы мы жили хорошо, нужно чем-то жертвовать. Я предлагаю пожертвовать сегодняшней жизнью в океанах.

– Но зелёные водоросли...

Ну и в таком стиле дискуссия продолжалась дальше. И всё это под смешки и аплодисменты находящихся в студии вегетариан.

Когда диспут закончился, стало ясно, что все хотят спать, а Володя и Виталик уже спали на своих пуфах.

Сергей с девочками решили вернуться в апартаменты рядом с электронным музеем, где они были ранее.

Было ещё темно. Поднявшись на крышу на септалёте, выпили ещё бутылку вина, обсуждая виденное, а потом... потом, обнявшись уснули.

Они вернулись в апартаменты с информером, когда солнце уже почти стояло в зените.

– Везучий ты, до безобразия. – Сказала Алина, когда они выходили из апартаментов.

– Благодаря вам девочки, я помолодел лет на двадцать. А чего хочется в молодости?

– И чего же? – Спросила Ольга.

– В молодости мужчинам хочется подвигов и любви.

Володи и Виталика не было, а сидящие у информера Паша и Алик сообщили, что Володя и Виталик пошли осматривать центральную часть шестигранного района, где должны быть магазины.

Сергей испугался.

– Если они какой откроют, может включиться сигнализация.

– Да не дураки они, – ответил Алик. – Только осмотр. Мы понимаем, что здесь не Североморск.

Сергея это немного успокоило, но не совсем.

По информеру рассказывали о проекте межзвёздного путешествия. Планировался такой полёт через пятнадцать лет.

Рассказывали об экспериментальном скафандре, прозрачном и заряженном очень небольшим количеством воды. На светлой стороне Луны вегетарианин в таком скафандре может, по расчётам, прожить месяц, и эксперимент уже начат.

Дело в том, что скафандр будет пропускать ультрафиолет, который позволяет клеткам кожи намного быстрее выделять кислород, а это означает возможность автономного дыхания. Очищение воды и насыщение её необходимыми добавками было задачей скафандра.

О проекте рассказывали во всех подробностях.

На первом звездолёте предполагалось отправить около ста клонированных вегетариан. И клонирование тех, кого отправят, уже началось.

Передача закончилась через два часа, и опять начался спорт. Сергей, взяв с собой Ольгу и Алину, спустился вниз и, сев с ними на септалёт, стал осторожно облетать центр, пролетая под арками.

Наконец они увидели Виталия и Володю, которые стояли и обозревали витрину какого-то магазина.

Это был спортивный магазин.

На витрине за стеклом стояли самые последние модели велосипедов, висели огромные разноцветные рюкзаки, разного вида надувные лодки, альпинистское снаряжение.

– Жаль, – сказал Виталик Сергею, – что сигнализация работает.

Сергей был почти уверен, что работает. И рисковать он бы не стал, но Виталий говорил так, как будто он знал точно.

– А откуда ты знаешь, что работает?

– А вон, посмотри туда.

Виталий показал Сергею, как смотреть сбоку и вниз за стекло, и в темноте закрытой витрины Сергей увидел маленький зелёный огонёк.

– А если открыть, – продолжал Виталий, там загорится красный. И где-то включится тревожный сигнал.

У Сергея мелькнула догадка о причинах, по которым Виталий не рассказывал о себе. Никто никого рассказывать не заставлял, но так получалось, что Сергей знает плюс минус всё обо всех, кроме Виталия.

– Вот если бы горел красный, можно было бы открыть, – продолжал Виталий.

– Разбить стекло?

– Зачем бить стёкла? Просто открыть.

– Но нет ни ключа, ни кода.

– Если просто слегка приподнять дверь, замок откроется сам. Так предусмотрено на случай землетрясений. Но там зелёный огонёк, и значит путь закрыт.

– Тут есть над чем подумать.

Думать тут, конечно, уже было не над чем. Сергею пришла в голову одна идея. Но осуществить её можно было тогда, когда они соберутся покинуть Химки.

Они жили в Химках уже неделю и неплохо знали, где что находится.

У них было достаточно того, что хотелось бы перевезти, чтобы заполнить десять септалётов.

Но Сергей не торопился.

Днём, в основном с утра, над Химками летали септалёты вегетариан.

Двигались они в основном или с севера на юг, или с юга на север. Видимо, движение шло к аэропорту Шереметьево. Не то чтобы септалётов было очень много, но по несколько десятков ежедневно пролетали именно над Химками.

То, что показывал информер, начало вызывать тошноту и, видимо, не только у Сергея.

Главной информацией было то, что о плотоядных людях и вегетаризации никто из смотрящих (а информер смотрели по очереди) ни одного слова не услышал.

О них забыли. Это было хорошо, но обидно.

Стало ясно, что пора продолжить путь. Тем более что на небо постепенно наплзали серые тучи. Недельный отпуск заканчивался.

Краска была. Решили улетать в четыре и в том же северном направлении.

Во-первых, чтобы не привлекать внимание спутника.

К ночи нужно было долететь до какого-нибудь леса, а потом сменить направление.

Тут Сергей и озвучил окончательный аккорд плана эвакуации.

– Значит, так. Форма одежды – маскировочная под вегетариан. Выбранные септалёты спускаем вниз. Загружаем и летим к магазинам. Одновременно, Виталий покажет, как, врубаем сигнализацию всех магазинов и, ни в коем случае не заходя внутрь и даже не открывая двери, садимся на септалёты и улетаем на север. Вот всем пилотам флажки, я первый, Паша на муниципальном – замыкающий. Знаки флажками следующие – запоминайте. Это – следуй за мной. Это – рассредоточиться. Это... – Сергей показывал разные фигуры движения флажков и говорил тоном, не предусматривающим возражения. – В случае, если мы потеряемся по каким-либо причинам, к ночи собраться в том месте в Орехово-Зуево, откуда мы вылетели в Москву. Повторим движения.

– А зачем нам включать сигнализацию и не входить в магазин? – спросил Паша. Он оказался в двусмысленном положении, и было видно, как он всё время терзается сомнениями о сложившейся ситуации.

Он хорошо знал о высоком положении Сергея в общине, и об этом говорило даже наличие у него охраны. С другой стороны, Марк строго наказал ему, что на септалёте Сергей только пассажир, а главный – он. Он капитан.

Но теперь Сергей летел на отдельном септалёте, а капитаном эскадрильи Марк его, Пашу, не назначал.

– Мы изучаем действия и организацию вегетариан на местах, а вовсе не хотим попасться, – Ответил Сергей.

– А можно, если дверь откроется, быстро что-то схватить и умотать? – спросил Володя.

– Нет, – ответил ему Виталий, видимо, понявший план Сергея. – Открытие двери будет заметно. Назад не закроешь. Если патруль вегетариан прибудет, то он увидит, что все двери закрыты, и что вызвало включение дюжины находящихся рядом магазинов, останется непонятным. Может, изменение давления. А если никто на эту сигнализацию не смотрит, то в следующий наш визит... – Виталий посмотрел на Сергея – ... сигнализация работать не будет, и можно будет без опаски магазина вскрывать.

К этому объяснению Виталика Сергею нечего было добавить. Он действительно так об этом думал. И вообще, он пожалел, что Виталик ушёл с Григорием.

Когда Сергей убедился, что все знаки всеми запомнены, они проверили, как закреплён груз на септалёте товарища.

Виталий провёл инструктаж по включению сигнализации.

Теперь у них было точное время вегетариан, и в четыре часа семнадцать минут (чтобы не круглое время) они включили сигнализацию в четырнадцати магазинах и взлетели вверх, и начали двигаться на север.

Пролетев пару километров, он увидел, что позади него гуськом летят не четыре септалёта, а пять. Этот шестой септалёт в его планы совершенно не входил.

Сергей решил лететь на парковку у Шереметьево и там разобраться, что это за «хвостик».

Поскольку они изображали вегетариан, полёт в Шереметьево был вполне корректным направлением.

Если за ними следует полицейский септалёт, а Сергею издали видно не было, то их вполне могли принять за вегетариан-мародёров. Причиной преследования могла быть включённая сигнализация.

Сергей не знал, как это работает сейчас, но из фильмов о работе полиции он знал, что задержания и попытки задержания в воздухе не будет.

Полицейские септалёты обладали значительно более высокой скоростью и просто следовали за нарушителями, и задерживали их только после посадки.

Парковка Шереметьево была уже рядом, когда Сергей септалёты Ольги и Алика направил правой, Володи – левее, а муниципальный септалёт, на котором летели Паша и Виталий, должен был сесть рядом с ним.

Парковка представляла собой коридор метров тридцать в ширину с бегущей дорожкой посередине.

Сергей сел сразу за стеной парковки, так что септалёт с Пашей и Виталиком перелетел через него метров двадцать и сел у противоположной стены

Вслед за Пашей слева в метрах пятнадцати от него припарковалась Ольга. Ещё в метрах пятнадцати припарковался Володя. И в метрах пятнадцати справа от Сергея запарковался Алик.

Полицейский септалёт запарковался между Ольгой и муниципальным септалётом Паши. Видимо, он и вызвал у полицейских какие-то подозрения.

Один вегетарианин направился к Паше, а второй остался в септалёте.

Видимо, ни Ольга, ни остальные никаких подозрений у вегетариан не вызвали.

Вегетариане знали, как люди относятся к публичной наготе. Девушки с обнажённой грудью – Алина в септалёте Сергея, и Ольга в септалёте с другой стороны – по их представлению, могли быть исключительно вегетарианками. И уж одинокая вегетарианка, которой им казалась Ольга, вряд ли могла заслужить их полицейское внимание.

Поэтому полицейский, оставшийся в септалёте, отвернувшись от Ольги, внимательно следил за действиями Паши и Виталия.

И напрасно.

Конечно, краска была очень похожа на цвет кожи вегетариан... но не вблизи.

Подойдя к септалёту Паши на несколько метров, полицейский подал своему напарнику сигнал рукой «Тревога». Он, наблюдая за Пашей, не видел ни своего напарника, ни зашедшего со стороны бетонной стены ограждения Виталия.

Но его напарник включить тревогу не мог, поскольку Ольга уже перерезала ему горло.

Чтобы не терять Пашу из виду и понять, почему его напарник не включил сирену, а одновременно с ней и вызов подмоги, вегетарианин отступил к стене.

Сергей был как раз напротив сцены, где и разыгрывались события.

Он мог попытаться принять в них участие, но для этого ему нужно было пересечь бегущую дорожку. А времени на это не было совсем. Но принять участие очень хотелось.

– Эй! Брат! – Выкрикнул он обычное приветствие вегетариан.

Вегетарианин на мгновение сосредоточился на Сергее, но этого мгновения хватило, чтобы Виталий нанес ему ужасный удар левой в голову.

За головой вегетарианина была стена, и его голова лопнула.

Таких ударов Сергей никогда не видел. Он иногда смотрел состязания по боксу, но такой удар...?

– Алина! Умеешь ты это хорошо или нет, но тебе придётся вести наш септалёт. Осваивайся, – сказал он, указывая на место пилота. Потом достал большой мусорный мешок из тех, которыми он запасся, и перебрался на другую сторону.

– Мясо сюда и на этот септалёт, – сказал он, указывая Паше, Ольге и подоспевшему Алику на полицейский септалёт. На Виталия он продолжал смотреть с восхищением. Жаль, что он ушёл с Григорием.

Потом он сел в полицейский септалёт. Это была незнакомая машина, но он в себе решил не сомневаться. Он выключил всю электронику.

– Я впереди, Паша замыкающий. Полетели. Облака нам в помощь.

Пролетев километров двадцать пять и попав под непрерывный облачный фронт, они сели в каком-то лесу, на поляне рядом с озером.

Алина пролетела отрезок вполне прилично, но по её глазам и тому, как она вылезла из септалёта, Сергей понял, что один септалёт придется оставить.

– В этой жизни тебе придётся научиться это делать. Сейчас мы летим далеко и экспериментировать не будем, но в принципе...

– Задачу поняла. – Алина улыбнулась.

– Хороним вегетариан, и в путь, – сказал Сергей, обращаясь уже ко всем.

– А просто бросить?

– Похороним, расчленив. Чтобы, даже откопав, не сразу могли опознать. Алина, тебе придётся повести септалёт ещё пару километров, и мы его и оставим на какой-нибудь парковке. Чтобы не привлекал внимания...

– Вон из-под воды бревно торчит. Привязать вегетариан к нему и сбросить посреди озера. Не всплывут. – Сказал Виталий.

Сергею идея понравилась.

– Но, прежде чем вы испачкаете это прекрасное озеро мясом, я бы хотела помыться и одеться.

– Так вода же холодная? – Сказал Алик.

Ольга, наклонившись, дотронулась ладонью до воды.

– Как парное молоко. Градусов семнадцать. Это же озеро. За день нагрелось.

Ольга взяла флакон с мылом полностью разделась и спокойно вошла в воду.

Наблюдать с берега, как эта русская красавица не торопясь мыла своё тело в холоднющей воде, было сплошным удовольствием.

Мужики глядели на это колдовское действие, как заворуженные.

Алина не выдержала и тоже вошла в воду, морщась и взвизгивая. Но недолго. Тело, видимо, адаптировалось к температуре, и они с Ольгой, стоя по пояс, стали друг друга мыть.

– Что слюни развесили? – смеясь, обратилась к стоящим на берегу Ольга. – Марш мыться.

Героизм восторжествовал. Вымылись все.

А выйдя на берег, бегали и прыгали, пока не согрелись. Потом Алина с Ольгой ушли и вернулись одетыми как на полюс.

– Ночью под небесами жарко не будет. Одевайтесь потеплей, а то простудитесь.

Потом они накинули на бревно, как лассо, верёвку и вытащили его наружу. Привязали к бревну вегетариан и только поле этого, ещё раз сполоснувшись, как в проруби, оделись.

Паша на муниципальном септалёте поднял этот груз, и посреди озера Виталий отвязал верёвку. Бревно упало вниз и скрылось с поверхности озера.

– Гражданской панихиды устраивать не будем, – сказал Сергей. – Полетели!

Всё что осталось от этих вегетариан, были два пояса с парализаторами, две фуражки и полицейский септалёт.

Полицейский септалёт, хоть и был действительно септалётом, поскольку имел семь движущих элементов, но сами эти элементы были намного мощнее и больше двигателей обычного септалёта.

Если его не грузить, то он мог вполне посоревноваться в скорости с частным вертолётom, а уж маневренность у него была большей.

Летели клином, чтобы не столкнуться, и чтобы каждый мог видеть остальных. Впереди летел септалёт Паши.

За неделю серьёзно похолодало. Они оделись тепло, но жарко им всё равно не было.

К утру проделали километров четыреста – четыреста пятьдесят. Когда начало светать, спустились на край небольшой поляны. Потом забросали септалёты ветками, разделили время на дежурства, забрались в загородку муниципального септалёта и сладко уснули.

Старое оружие

В полдень Сергея разбудил Володя.

– Пошли, глянешь на одну штуку.

Алина тоже проснулась, и они втроём пошли смотреть то, что обнаружил Володя.

Обнаруженное представляло собой металлический люк, расположенный между двух огромных сосен.

– Я тут пошел побродить и споткнулся о него. Сначала он был не виден.

– Может, лучше его не трогать? – Спросила Алина.

– И всю жизнь об этом жалеть? – Усмехнулся Сергей.

Люк выглядел очень старым, и к вегетарианам отношение вряд ли мог иметь.

Сергей знал, что когда-то, в истории людей, они создавали подземные ходы, но никогда не слышал, чтобы их закрывали железными люками.

Сдвинув в сторону оставшуюся хвою, Сергей взялся за ручку и дёрнул люк на себя. Люк открылся со скрипом, но достаточно легко.

Картина, которую они увидели внизу, была странной для Сергея.

Приблизительно в метре от верха находилось откидывающееся сидение. Потом ещё метра полтора, и проход уходил куда-то вправо.

– Я гляну, – сказал Володя и полез вниз.

Проход был нешироким, а Володя был и худее, и моложе Сергея, поэтому всё выглядело логичным.

Володя спустился ниже.

– Это какая-то машина, – сказал он. – Когда-то были машины, двигающиеся под землей?

– Похоже, эту просто засыпало.

– Да. Тут ещё люки, но они не открываются.

– А что-то внутри лежит?

– Да. Как маленькие ракеты. С чёрными носами и, видимо, латунными или бронзовыми корпусами.

– Может, это машина бронзового века? – спросила Алина.

– Мне кажется, – ответил Сергей, – в бронзовом веке ещё не было машин. Это нужно почитать.

Сергей с удовольствием подумал о мировых библиотеках на найденных таблетках.

– А что вы здесь делаете? – спросила появившаяся Ольга.

– Да вот, Володя какую-то машину нашел. То ли засыпанную, то ли подземную, застрявшую из-за корней.

– Интересно. И что там?

– Вот! – Володя вытащил одну маленькую ракету. – Только не дёргайте её сильно. Неизвестно, как она летает.

Потом он вытащил ещё одну штуковину, которая напоминала пистолет для пристреливания альпинистских крюков, но была намного длиннее и с двумя ручками снизу. Одной маленькой прямой, другой плоской и дугообразной.

– МБ 3843 Л, – прочёл Сергей сбоку этой штуковины. – Что бы это значило?

Он пошёл к септалёту, где лежала таблетка.

– Пожалуйста, ничего не дергайте. Что это, мы не знаем. Может, это пусковой пульт к ракетам или к ещё чему-то.

К этому времени уже проснулись все и потянулись осматривать находку.

Достав таблетку, Сергей включил режим поиска в текстах. Был бы коннект, он бы нашёл, что это за штукавина, за секунды, а так таблетка медленно просматривала файл за файлом в поисках подобных записей.

Через час поиск выдал нулевой результат.

Сергей поставил на расширенный режим поиска «МБ+четырецифры+буква».

Пока все разглядывали находки, Ольга приготовила всем какой-то завтрак из сушёных пшеничных лепёшек и консервов мяса и бобов.

Наконец таблетка выдала два результата.

Один результат описывал какой-то мотоблок, другой – автомат Калашникова.

Сергей набрал в поисковике «мотоблок+фото» и получил множество фотографий каких-то древних моторных велосипедов с ручками так далеко расположенными, что неясно было, как на нем ездили.

Тогда он набрал «автомат Калашникова + фото» и получил фотографии той штукавины, которую они нашли. Всё-таки занято...

Он стал читать об автомате Калашникова.

Этот автомат был древним оружием 20—22 века. Сергей понял, что это значительно позже бронзового века, но логики этого он не понял совершенно.

Он точно знал, что ядерное оружие было создано в 20 веке. Автомат Калашникова совершенно не походил на ядерные устройства, да и в том, что было о нём написано, об этом не упоминалось.

Эпоха, когда было это оружие, была странной. Зачем, когда есть ядерное оружие, нужно такое примитивное оружие как автомат Калашникова, или, как его называли в литературе, «АК»?

Он стал размышлять об этой эпохе, и ему захотелось спать. Так, в размышлении об этом он и уснул.

Проснулся он, когда уже темнело. Поев, он ещё раз отправился посмотреть на находки. Ребята уже упаковали несколько ракет на септалётах. Полицейский септалёт увеличил их транспортировочные возможности. Взяли и автомат, и ещё какую-то похожую на него штукавину, но ещё более длинную. Половина её, как сказал Володя, была вытащена из земли и поэтому немного поржавела.

Когда они полетели, Сергей, пользуясь тем, что Алина задремала и нет нужды с ней о чём-нибудь говорить, хотя говорить для него особой проблемой никогда не было, стал размышлять о том времени, когда оружие исчезло.

А исчезло оно тогда, когда были уничтожены или закрыты религиозные заведения и запрещена частная собственность на предприятия, использующие труд других рабочих и природные ресурсы.

Происходило всё это постепенно. Сначала были обобществлены все природные ресурсы, и хозяева всех предприятий могли стать их директорами, получавшими часть прибыли. Потом был знаменитый закон о ежегодном налоге на наследство. Каждый год оставшаяся часть наследства облагалась налогом, как полученная в прошедшем году прибыль. Это все учили в школе и в университете на занятиях по экономике. После разгрома синдикатов и корпораций, когда в результате обнищания при глобализации все руководители и просто богатые люди безжалостно вырезались, все национальные экономики разделились. Те государства, что ликвидировали собственность на природные ресурсы и на наёмный труд, стали развиваться намного быстрее, и процент счастливых людей в них значительно вырос, другие страны стали присоединяться к ним.

Так образовались Большой Китай, Великая Россия и Счастливая Бразилия. Тогда и было объявлено о снятии границ и избрании координационного совета.

Названия «Китай», «Великая Россия» и «Счастливая Бразилия» остались до сих пор, но чтобы узнать точно, какая территория кому принадлежит, нужно было искать в справочнике. Да и что такое «принадлежит»? Принадлежать может дом, в котором ты живешь, септалёт, пенсионные средства. Ну ещё дети до 19 лет принадлежат родителям. Но поскольку они обязаны учиться и не могут вступить в брак, это странная принадлежность.

А после уничтожения корпораций единственными, кто противился снятию границ, были религиозные заведения. Тогда их и распустили, зачислив всех их служащих в медицинское обслуживание.

После 19 лет всех выпускников отправляли на курс веры, где представители разных религий рассказывали им о своих религиях. Можно было выбрать, кем быть.

Но в девятнадцать лет – это мало кого интересовало и со временем только желающие шли на эти курсы. А желающих почти не было

Молодым предстояли более важные выборы.

Нужно было избрать профессию, место учёбы, работы; выбор первой пары был самый волнующий.

Молодые люди ехали в студенческие лагеря и после них подавали заявку на того или ту, кто им понравился и с кем бы они хотели составить пару. Это было абсолютно тайно, и только когда выбор совпадал, им сообщали о взаимном выборе, и они становились парой. И так каждый год. Через год можно было сообщить о браке.

К двадцати пяти годам оставшиеся холостыми мужчины получали возможность для рейтингового выбора. Можно было указать множество кандидаток на пару, поставив каждой рейтинг. Женщины получали право участвовать в рейтинговом выборе с 21 года, но при этом могли участвовать и в поиске по взаимному выбору.

Компьютер находил наиболее приемлемый результат.

Хоть это и было странно, рейтинговые браки оказывались намного крепче браков по взаимному выбору. Психологи объясняли этот эффект меньшими ожиданиями.

И кого же в это время интересуют религии?

Но к возрасту девяности – девяности пяти лет религиозных становилось довольно много.

Сергей поймал себя на мысли, что думает об этом, как будто прежний их мир ещё существует. Но он ушёл в безвозвратное прошлое, как и бронзовый век.

Кто выбирал ему в пары Алину и Ольгу? Да и какая же это пара? Он бессовестно пользовался любовью обеих, даже не своих ровесниц, а ровесниц своей старшей дочери.

Ужас!!! Но ужас приятный.

И тут он понял. Мысль пришла неожиданно и никак не была связана со всеми предыдущими размышлениями.

Его септалёт так же, как и раньше, замыкал левое крыло клина септалётов. Но, придя, эта мысль уже не отпускала его.

Нужно было создавать курсы профессиональных солдат по специальностям. Нужно, чтобы один учился стрелять, а второй изучал оружие.

Да-да, старое оружие нужно опять создавать и научиться пользоваться тем, что ещё возможно найти или добыть.

Раньше он об этом даже не думал, но с появлением таблеток и старых миникомпьютеров это стало возможным.

Если пятеро разберутся в чём-нибудь, каждый в своём вопросе, а потом расскажут об этом остальным, мы, из орды, пользующейся для набегов септалётами, можем превратиться в настоящую армию.

Интересно, придумал ли Григорий что-то такое? Ведь разведчики-связники, которых он послал – это тоже специализация?

Нет, Сергея интересовало совсем другое. Энтомологическое оружие стало вровень с атомным. Но и сегодня для того, чтобы выжить и дождаться, когда энтомологическое оружие подействует, им нужно нечто посильнее, чем нейтрализаторы и парализаторы. Атомное оружие очень сильно, но неэффективно. Энтомологическое оружие слабо, но селективно и должно действовать продолжительный период и, как Сергей надеялся, уже действует.

Но основные скопления вегетариан – во влажных тропиках. А здесь? Пока жуки доберутся до влажных тропиков, может пройти столетие, за которое вегетариане научатся с ними бороться. Нужно ещё и обычное оружие. Оно даст возможность эффективных атак на вегетариан. А значит, главное – нужны специалисты по тому, как его изготовить. Луками, которыми они пользуются, не навоюешь. Вот если бы приспособить альпинистский вбиватель крюков для стрельбы маленькими стрелами, это было бы эффективно. Но он и техника – вещи далёкие друг от друга. Нужны технари. Назовем их «офицеры по вооружению».

Сергей усмехнулся. Он понял зачем могло быть нужно такое оружие, при наличии атомного. Неизвестно, начнёт ли старое найденное Володей оружие работать по прямому назначению, но свой выстрел идей в его голове оно произвело.

Мусорные пакеты над Белым морем

Стало очень холодно. Несмотря на всю одежду, они все продрогли. Это и был тот север, который вегетариане не жаловали. Утро середины октября южного побережья Белого моря. Небо было затянуто облаками, и они решили лететь днём, прямо вдоль берега. Шанс встретить здесь вегетариан был не очень велик. И уж если они здесь есть, представить, что они полетят на септалёте, было невозможно. А лететь днём всё-таки теплее.

Для Сергея всё здесь было незнакомым. Из своего Екатеринослава он ездил в отпуск на юг. Съездить на север идеи никогда не было.

И вообще, септалётом можно летать очень далеко, но причин это делать в нормальной жизни не было. В нормальной жизни были самолёты. Добрался до любого аэропорта на пневмотрамвае или на том же септалёте, и лети куда душе угодно – хоть в Шанхай, хоть на Аляску. Быстро и комфортно.

Но сейчас септалёты были единственным транспортом, который он мог себе позволить. Если, конечно, пешеходные прогулки не брать в расчёт.

И он признался себе прямо: сожалений, что он не был севернее Питера, у него не было.

Дул северо-восточный промозглый ветер. И если они сегодня не доберутся до Североморска, будет несладко.

Летели они после привала уже часов пять. Днём немного потеплело. Даже вдали, над морем, вынырнуло солнце. Стало даже по-своему красиво. Но это была какая-то чужая красота. Ей можно было восхищаться на картинках, но в живую...

Алина о чём-то говорила с Сергеем, и он даже отвечал. Но это происходило как-то параллельно с тем, что он мёрз. Он мёрз, и от этого ему всё сильнее начало хотеться в туалет.

Но тут он обругал себя за тупость.

– Алина. Ты не замерзла?

– Замерзла, но делать нечего.

– Есть чего делать. У нас большие пластиковые пакеты для мусора. Вон, упакованы, целый рулон.

– Ну.

– Возьми пакет, прорви в нём дырку сантиметров тридцать пять сверху... Стоп, отставить. Дай мне, пожалуйста, флажки.

Сергей передал команду всем сесть.

– Проголодался? – спросила насмешливо и одновременно игриво (только она так умела)

Ольга.

– И это. Кто замёрз, поднимите руки.

– Холодно руки понимать, – усмехнулся Паша. Все замёрзли.

– Тогда делай, как я. Сергей взял мешок для мусора, прорезал ножом в нём отверстие спереди для глаз, а по бокам для рук. Надел его на Алину и закрепил липкой лентой через лоб и макушку и через подбородок и макушку. Мешок доставал Алине до колен. Он скрепил его там посередине. Потом взял ещё один мешок и, разорвав его пополам, сделал рукава.

– Как северный скафандр?

– Так теплее, – пробубнила Алина, – но невозможно разговаривать.

– Значит будем молчать в тепле.

– А если закрепить на поясе, то можно и надыхать, – сказал Виталик.

– Правильно. А сейчас перекусим, поможем друг другу одеться и приземлимся в Североморске, – сказал Сергей.

– А я? – пробубнила Алина.

– И тебя возьмём.

– Не издевайся над Алиной, – то ли серьёзно, то ли игриво сказала Ольга. – Сейчас я тебя от этого скафандра освобожу, – сказала она, обращаясь уже к Алине, – а потом мы сделаем всё то же самое, но уже не кривыми руками.

Все засмеялись, а Сергей изобразил застенчивое лицо.

Когда перекусили и закончили с прочим, девчонки действительно соорудили удивительные костюмы из мешков для мусора. Сказывалось их участие в ролевых играх. Даже из концов пакетов они сделали маленькие рожки. И даже кисти рук были защищены чем-то наподобие варежек.

Все похихикали, но стало действительно намного теплее.

– Полетели.

Но разговаривать во время полёта теперь действительно было сложно, поскольку ветер шуршал пакетом, обдувая его вокруг.

Сергей наконец мог подумать спокойно. А единственная мысль, которая его сейчас занимала – как устроить обучение офицеров. Будет ли возражать Марк против изменения структуры, которую он построил? Нужно ли начинать обучение офицеров, начиная с детского возраста? Вот Юля станет хорошим офицером. А как производить отбор? Какие качества нужны офицеру? И Сергей не просто размышлял об этом, он сам себе ставил задачи и, как в шахматах или Го, проверял варианты. Разговоры в это время ему мешали бы. А так – небо и септалёт впереди, на котором летит Ольга.

Сергей хотел подумать об организации офицерских занятий, но размышлял о том, как приходили в его жизнь и уходили различные люди.

Вот и сейчас – Володя, Виталик, Алик – все по-своему вошедшие в жизнь Сергея уйдут и потеряются в неизвестном пространстве.

Вот Сергей часто думал о Натали... А где Сейчас Елена, мать Марго, его первая жена по взаимному, а не рейтинговому выбору?

Где его друзья-однокашники? А уж где друзья детства...?

И самое странное, что даже не будь катастрофы, они потерялись в этом мире. Они ушли, оставив след в его жизни, как уйдут, наверное, многие, если сама жизнь будет продолжаться.

А она должна продолжаться.

На Сергея вдруг накатило редкое чувство жалости к себе и ненависть к вегетарианам. Бывали такие минуты.

Он их не трогал. Он себе спокойно жил удачно или неудачно, делая или нет карьеру или выбирая жён, любя и воспитывая детей. Он никого не трогал. Теперь пусть пеняют на себя. Никакой жалости. Тотальное уничтожение. «Русские не сдаются», – всплыла прочитанная в какой-то исторической книге фраза.

Так, размышляя о своей жизни, не утруждая себя наблюдением за маршрутом, что делали в головном септалёте Паша и Виталик, он и увидел Североморск.

Североморск

Сначала он даже не понял, что это уже Североморск. Это стало ясно, когда Паша дал отмашку на посадку в самом центре города.

– Свой!!! – заорал Виталик, когда к ним с разных сторон побежали молодые парни.

Действительно, узнать в них своих в нарядах из мусорных пакетов было очень проблематично.

Виталик содрал с лица мусорный пакет.

– Свой!!!

– Свой! – вторили ему остальные прилетевшие.

Ребята прекратили бежать и пошли к септалётам шагом.

Они осматривали септалёты и прилетевших на них. В глазах было удивление.

– Где-раздобыли-то?

– Да прилетели и на ладошку сели, – ответил Виталик. – Гриша где?

– В слесарке ночуют.

– Кирилл! Бери септалёты под охрану. И чтобы ни кулёчка. Ладно?

– Я тоже останусь, – тихо сказал подошедший к Сергею Паша. – Поговори с Григорием, и если что...

– Всё будет в порядке.

Волнения Паши были напрасны. Людям было с кем воевать на этой планете. Григорий встретил Сергея со спутниками очень радушно и даже с объятиями.

– Слава богу, у вас все в порядке.

Часа два ушло на приветствия. Люди приходили порадоваться и посмотреть на прилетевших к ним, как на чудо. Тем не менее Григорий дал команду выставить караул возле септалётов.

– Любопытных больно много, – усмехаясь, объяснил он Сергею.

Наконец Сергей с Григорием и ещё парой мужиков из его штаба уединились.

– Ну рассказывай, с чем прилетел и как у тебя выманить септалёт? – начал Григорий с самого главного.

– Выманивать не нужно. Три частных септалёта я оставляю здесь. Мы полетим на двух больших. Так быстрее.

– Огромное спасибо! А чем я могу тебе помочь?

– Нет ли у тебя кого-нибудь, кто занимался историей оружия? Мы привезли древние артефакты: хотелось бы понять, что это такое, и вообще.

– Поищем, хотя я не слышал.

– И наконец, главное, что я хочу тебе сообщить. Отсидеться не удастся.

– Что так?

– Мы вместе с твоими разведчиками смотрели вегетарианский информер. Они планируют новое клонирование, и это ещё полбеда. Планируется полное уничтожение озонового слоя. В Австралии уже сейчас восстанавливают озоновую дыру. Кроме этого они планируют звездные экспедиции, для заселения Вселенной.

– Да уж. Похоже, человечество породило космическую чуму. Какие планы?

– Драться.

– С двадцатью миллиардами? Что ты собираешься делать?

– Убить их всех.

– Но как?

– Ну, мы уже не такие несчастные, как были, сойдя со столбиков. В войнах побеждает оружие. Как я недавно узнал, в то время, когда существовало ядерное оружие, производили авто-

маты Калашникова, которые могут убить всего несколько десятков человек. Значит должно быть локальное оружие и другого типа. Не нужно только торопиться. Теперь у тебя есть септалёты, и твои разведчики научат тебя, как их доставать. Нужно без шума обследовать ближайшие города. У тебя это Мурманск, Архангельск, до Питера и Хельсинки. Не сейчас, конечно. Ранней весной. Я планирую создать офицерские курсы. Наиболее одаренная молодёжь разберется с забытым оружием.

Григорий слушал, не перебивая. Новости об озоновом слое обрушились на него, как гром с ясного неба. Они ведь недалеко от полюса и сильно уязвимы.

– Исторические музеи – наша главная цель на сегодня. Надеюсь, их не уничтожили.

– А зачем?

– Это история, не имеет к вегетарианам отношения. Для них это история века людоедов.

Но для нас, это забытые умения.

– Выступишь завтра на собрании? Люди должны знать.

– Конечно, но и Алик, и Виталий смотрели информер не менее внимательно.

– Ты умеешь говорить, и выделяешь главное.

– Спасибо.

– Только бы в панику не впали.

– Мне кажется, что паника уже ушла навсегда. За всё время я знаю только один случай самоубийства, и то, причины мне непонятны. Когда людям есть чем заняться, паники нет.

– А чем они займутся с этой информацией до весны?

– Я дам тебе пару мини-ПК и пару лэптопов. Там литературы – завались. Установить очередь – и учиться. Это, кстати, выявит самых способных к этому делу.

– Нужно заглянуть в Екатеринбург. Там мой прапрадед делал какое-то оружие.

– Ну это пару тысяч километров.

– А сколько септалёт может проделать за сутки?

– Плюс-минус пятьсот.

– Четверо суток?

– Но лететь можно только под облаками.

– Ты собираешься лететь сейчас? Сам?

– Нет. Сам я нужен здесь. А ребят пошлю послезавтра.

– Тебе решать. Я бы начал с Мурманска. Да и до Питера всего тысяча.

– Подумаю. Надеюсь, ты завтра не улетишь.

– Не улечу. Посмотрю, как вы здесь устроились. Кстати, а как жуки?

– Сейчас впали в спячку, а летом было всё нормально. Но есть проблема, когда проснутся.

Вегетариан у нас нет.

– Постучи по дереву, чтоб и не было. Но теперь, с септалётами, проблема с кормом для жуков может быть решена. Знал бы, привез бы тебе немного. Мы двоих в озере под Москвой утопили.

Сергей впервые ходил по городу без опаски. Неужели вегетариане оставили север для остатков людей сознательно? В городе было всё, что должно быть у города. Хотя было ощущение, что люди оставили его не полгода, а лет пять-шесть назад. Были верфи, на которых давно ничего не строилось и не ремонтировалось. Были теплицы, в которых вместе с овощами спокойно соседствовали сорняки. Были общественные учреждения.

Было просто удивительно, как в городе не было ни одного септалёта.

Сергей не интересовался Североморском раньше. То есть в школе он видел на карте этот город. Но сейчас у него возникло подозрение, что Североморск бросили давно. Или почти бросили.

Он попросил, чтобы кроме Алины и Ольги его сопровождал Виталий. Виталий всё-таки больше знал город.

Сергей попросил Виталия найти полицейский участок.

Полицейский участок был открыт и пуст. Столы, стулья, шкафы там конечно были, но ни парализаторов, ни нейтрализаторов не было.

Но когда осмотрели тщательно, в одной из комнат в шкафу нашли несколько полицейских поясов, фуражек и жёстких ботинок, которые были Сергею, с его маленькой ногой, велики. Собственно, это и была форма, которую носили вегетариане.

На эту форму у Сергея были серьёзные планы.

Был один банк. Но он был закрыт и открывать его не было смысла. Всё, что могло быть в банке – это банковский терминал. Смысла в нём никакого не было. Но Сергей подробно расспросил Виталия, как бы он открывал банк, если бы было нужно.

Сергей уже понял, почему Виталий о себе не рассказывал. И Виталий понял, что Сергей это понял. Это прошлое было уже не важно. Все плотоядные люди были заодно. Поодиночке или маленькими группами не выжить, значит максимальная помощь остальным была для каждого чисто эгоистическим интересом.

Зашли на верфи. Сергей попросил показать ему, где находится старый антикварный инструмент. Там был исключительно специализированный инструмент. Несколько старых пистолетов для заклёпок, оставшихся с тех времён, когда корабли ещё не печатали на 3d-принтерах, заинтересовали Сергея. Но для них был необходим сжатый воздух.

Так, в путешествиях, и провели весь день.

А вечером в честь их прибытия было организовано собрание и застолье.

А на застолье был и алкоголь.

Кто-то из умельцев создал аппарат, который он называл самогонным, и получал из него дурно пахнущее, но алкогольное зелье. Сергей решил познакомиться с технологией и даже хлебнул жидкость, из которой зелье перегоняли.

Было весело, мир качался в разные стороны... Пили, пили и пили. Если бы все тосты сбылись, то вегетариане прекратили бы существовать до того, как их создали.

Ученые, которые их создали, были объявлены нехорошим словом – «мудаки». Пили за братство, за то, что единственное, что было положительным, что среди выживших не могло быть предателей. Все плотоядные люди были заодно. Пили, пили и пили.

Но на следующее утро Сергею было очень нехорошо. Голова раскалывалась.

Ни есть, ни пить категорически не хотелось. Сергей прошёлся с девочками по холодным улицам и вернулся туда, где ночевал, забрался под одеяло и страдал. Страдал целый день. Григорий отменил собрание и при этом сказал, что, вроде, никто действительно от новостей в обморок не упал.

Вечером опять собрался совместный ужин, но Сергей от самогона категорически отказался, объяснив, что завтра он собирается улетать.

Вообще Сергей планировал побыть подольше, но, приведя сказанное как причину, понял, что делать ему в хозяйстве Григория больше нечего.

На следующий день с утра Сергей долго договаривался с Григорием о связи и прочих мерах по координации действий. Делились опытом. Разговаривали вполне откровенно. Сергей подробно рассказывал о Городе, о полете в Крым (пропуская незначительные для Григория детали), о грозе над Азовским морем, о том, как добыли муниципальный септалёт.

Григорий – не Марк, для которого эти рассказы были бы причиной ограничить свободу Сергея.

Сергею очень нравился Григорий, большой и честный человек. Он, конечно, понимал, что у Григория есть своя хитрость. Но в нём не было, совершенно не было авантюризма. Сергею это казалось недостатком.

Днём они загрузили септалёты по-полной. Они и были уже загружены, но был ещё и резерв. Да и Ольга была значительно легче Виталия.

Вдобавок к тому, что уже было загружено, они взяли копию самогонного аппарата, полицейскую форму вегетариан, состоящую из фуражек, ремней и ботинок. Взяли пару десятков килограммов живых крабов. Крабы были в пластиковых вёдрах с крышками, заполненных морской водой. Григорий убеждал, что они за несколько дней – неделю на холоде не помрут.

Прощаться было очень грустно. С Аликом, Володей и Виталием они уже успели сдружиться и, прощаясь, надеялись на скорую встречу. Но, конечно, не раньше весны. Септалёты – не зимний вид транспорта.

Но уже, когда собрались взлетать, Григорий вдруг решил их проводить и заодно слетать в Мурманск.

Сергей про себя усмехнулся: ещё утром он думал, что у Григория недостаток авантюризма.

– Ну, полетели! – сказал Сергей.

Вообще, Сергей понимал, что Григорий сам побаивается пойти в первый рейд. А у Сергея уже образовался опыт.

Григорий со своими людьми взлетел на двух септалётах, один из которых вёл Алик, а второй – Женя Борисов, невзрачный круглолицый парень лет тридцати от роду, который утверждал, что тоже участвовал в соревнованиях.

Небо было постоянно затянуто тучами, и то, что их засечёт спутник, было очень маловероятно.

До Мурманска было всего ничего: километров пятнадцать.

Разведчики Григория уже много раз ходили туда, но есть ли там вегетариане, выяснить им не удалось.

И если вегетариане там есть, шанс увидеть их с высоты полёта намного выше. Да и посмотреть, нет ли на какой крыше, как в Химках или в Москве, ещё десятка септалётов.

Мурманск

Мурманск выглядел совершенно пустым. Летели медленно и низко. Они смотрели на вечерние освещённые, но безлюдные улицы и неосвещённые окна. Мурманск был не очень высоким городом. Сорокаэтажек в нём не было. Преобладало обычное четырёхэтажное строительство, когда два этажа над, а два под землей. Возвышались только здание, которое походило на типичный университет, и огромная арка моста для грузового пневмотрамвая через Кольский залив. На причале главный туристический объект – атомный ледокол «Ленин»

Септалётов на крышах не было.

Идеи приземляться тоже не было.

По предварительной договорённости с Григорием, после облёта города они попрощаются друг с другом флажками, и Сергей с компанией улетит на юг, а септалёты Григория вернутся в Североморск.

И вдруг, пролетая над восточным берегом залива, Григорий показал флажками на другую сторону и полетел туда.

Септалёты Паши и Сергея последовали за септалётами Григория.

Причину Сергей понял сразу. На другой стороне залива стояло три вертолёта. Как на таком расстоянии в вечерних сумерках их узрел Григорий, было непонятно. Но они там были.

Сергей подал Григорию сигнал «Осторожно» и повёл свои септалёты чуть южнее того места, где он увидел вертолёты, и дал отмашку «Посадка».

Вертолёты стояли возле круглого плоского низкого здания, занимавшего огромную площадь. Его крыша, была похожа на металлическую. Здание выглядело совершенно тёмным, и только со стороны залива, над входом, освещая сам вход, стояло мощное освещение. Это говорило о том, что это – жилище вегетариан.

Когда Сергей, уже отстегнувшись, сошёл с септалёта, приземлился септалёт Григория.

– Даже не думай, – сказал Сергей Григорию. – Оставь здесь наблюдателя, лучше на том берегу, пусть несколько дней понаблюдает за вертолётами.

– А почему не забрать их сейчас? – спросил Григорий, и Сергей увидел, как по-мальчишечьи блестели его глаза.

– Это рядом с Североморском. Если тут произойдёт нечто непонятное, к тебе наведается полицейская толпа вегетариан. Тебе это надо?

– Но три вертолёта...?

– Во-первых, у тебя сейчас, наверняка, некому их вести. А во-вторых, если в здании вегетариане, всей общине крышка. Они немедленно начнут анализировать все спутниковые данные, и даже облака тебе, а возможно, и нам, не помогут.

Григорий выглядел очень удручённым. Увидев вертолёты, он уже решил, что они – его, и вдруг Сергей пытается их отобрать.

– Ладно, – сказал Григорий, – наблюдатели так наблюдатели. Может, останешься на пару днейков... чтобы я чего не наворотил?

– Ладно. Давай сделаем так. Я со своей и с твоей командой остаюсь здесь, а ты и кто-то из твоих пилотов улетаете в Североморск. На двух септалётах, и привозите сюда послезавтра троих, если найдёте, кто когда-то управлял вертолётном, и Виталия.

– А почему Виталия?

– Мы с ним сработались.

– Ладно.

– Алика, Кирилла, Родиона и Сергея оставь здесь, а улетай с Женей. Алик наблюдательный парень и постарше, а значит осторожней. Он возьмёт на себя руководство твоей командой. Сам-то ты с септалётом управишься?

– Управляюсь.

– Тогда давай посмотрим, где мы спрячем свои септалёты.

– Можно у стадиона. Там есть арки.

– Нормально, но оттуда не понаблюдаешь. А мне бы не хотелось сильно отдаляться от средств возвращения.

– Тогда где?

– Атомный ледокол «Ленин». Видел, как он сияет? Нам никакой светомаскировки не понадобится.

– Точно. А септалёты – под кормовую вертолётную палубу.

– Торчать, конечно, будут, но железо на железе не заметно.

И Григорий улетел.

Но запарковаться ночью под вертолётной палубой, да ещё когда корма смотрит на пригорок, на котором и было расположено странное строение, оказалось нереальным. Зато на берегу напротив ледокола был большой сквер, где они и замаскировали свои септалёты.

Ледокол «Ленин» был величественным созданием. Таких больших кораблей почти не осталось. С появлением летающих барж необходимость в разбивании льда исчезла. Баржа поднималась надо льдом и катилась по льду, растапливая лазером малейшие неровности на своем пути. Да и создавать такие огромные баржи было бессмысленно.

А вот Алик ликовал. Наконец настал его час. Он вёл всех по ледоколу «Ленин» как экскурсовод.

Но, поведив их час по кубрикам, коридорам и залам и получив полное удовлетворение от их внимания, Алик поинтересовался:

– А что мы здесь будем делать? Строение ведь выше самой верхней точки нашего обзора.

Сергей про себя улыбнулся. Виталий бы такого вопроса не задал. Зато у Алика неистощимая энергия.

– Даже если бы мы сели на крыше этого строения, что мы могли бы увидеть?

– Как что? Кто туда заходит, кто выходит.

– А зачем нам это?

– А что же нам надо?

– Нам нужно увидеть, будут ли взлетать вертолётты. А там, за ними, если я правильно понял, вообще частный аэродром. Вот это мы увидим и отсюда. А поскольку мы на корабле, дежурства назовем вахтами. Не возражаешь?

Слово «вахты» было бальзамом на душу Алика. Сергей уже разобрался в этом человеке. Он был упрям, как осёл, но с чем-то согласившись, работал очень добросовестно. И руки... руки не кривые.

Бросили жребий вахт.

Сергея с командой от вахт освободили. Им, возможно, в любой момент лететь далеко, а Алик сотоварищи под боком. Да и Григорий в любой момент вернётся.

К утру вернулся Григорий. Он привёз с собой двоих, летавших на вертолёттах. Одна была женщина лет пятидесяти, звали её Маруся, а вторым был мужик, Владимир, неопределённого возраста, но явно старше Сергея. Прихватил Григорий и Виталия.

Они втроем – Сергей, Григорий и Виталий – уселись в той части капитанского мостика, из которой был виден край непонятного строения и окружающий его берег. За ночь, как сообщили те, кто был на вахте, там никакой активности не было.

Вертолёттов отсюда видно не было, но Григорий сказал, что, когда он подлетал, вертолётты находились там и в том же положении, что и раньше.

Сергей ещё раз описал ситуацию, как он её видел, и обратился к Виталию.

– Можно ли оттуда умыкнуть вертолётты, и если можно, то как?

– Во-первых, нам нужен наблюдатель, который сможет увидеть, если кто-то оттуда выходит, входит и вообще есть ли там какая-нибудь деятельность. Я видел с другой стороны от взлётной дорожки аэродрома, что за странным зданием какое-то высокое строение заброшенного вида. Ангар с башенкой. Вот следующей ночью перебросить часть группы туда, а часть пусть отдыхает здесь. И завтра же пусть Кирилл привезёт сюда человек пять из своих головорезов. Пусть захватит на верфи резиновых молотков... сколько найдёт. И верёвок. И ещё. Я видел, когда мы только влетели в город, старую бензоколонку. Раньше, до батарей, всё заправляли бензином. Пусть посмотрят, не осталось ли там бензина. И если осталось, пусть наполнят какие-нибудь ёмкости. Чем больше, тем лучше.

– Есть план? – спросил Григорий Виталия, и Сергей понял: несмотря на то, что Григорий отправил Виталия в разведку, он о нём ничего не знает. Вернее, знает меньше, чем Сергей.

– Ещё нет. Но вдруг он появится, так чтобы не терять времени.

Кирилл с темнотой улетел, а в башенку на муниципальном септалёте направились Сергей, Виталий, Родион и Алина с Ольгой.

Ангар под башенкой был чистым и ухоженным административным зданием. Сам ангар был без окон, а все окна башенки были зеркальными наружу, и рассмотреть, что за ними, было невозможно. Но вегетариане никогда зеркальных окон не использовали. Поэтому осторожно, но без лишнего страха, они в этот ангар вошли.

Нижний этаж кроме холла при входе, туалетов и кафе, содержал зал с перегородками, за которыми когда-то сидели сотрудники.

На столах стояли терминалы и ещё оставались какие-то бумаги.

Сергей оглядел бумаги, но ничего не понял из того, что там написано, хотя было написано на русском и английском.

– Это задания для программистов, – пояснил Родион, увидев, что Сергей внимательно, но непонимающе их разглядывает.

– А чего же они на бумаге? Что, виртуально их нельзя было послать?

– Такая была заморочка. Чтобы никто не отвертелся, что не получил или неправильно понял задание. Тут, как я вижу, виртуальность какой-то игры создавали.

Сергею опять стало очень грустно. На него опять упала жалость потерянного рая. Но нет, расслабляться нельзя. Все сантименты – после победы. После окончательной победы. Тогда он упадет лицом в мягкую подушку и будет долго плакать. А пока...

Башенка была достаточно высокой. Поднимались по лестнице, но был и лифт.

Бегло осматривали этажи, но ничего интересного там не находили, если не считать интересными длинные столы и огромные экраны терминалов.

Стеклянные, с регулирующейся оптикой стены самого верхнего этажа башенки, которая теперь казалась не башенкой, а башней, давали прекрасный обзор.

Видимо, этот этаж был местом отдыха начальства этого заведения. Центральную часть составлял лифт, гигиенические комнаты, небольшой бар. А вокруг располагались огромные, самой последней модели пенодиваны, которые сами подстраивались под позу и фигуру севшего на них. Были и огромные массирующие кресла.

Вид был потрясающий.

А когда Ольга нашла пульт регулировки стен, от возникающих картин они получили давно утраченные ощущения.

Раньше в их жилье это было обычным делом. Если человек успешно работал, он мог позволить себе окна с регулирующейся оптикой. А если работал так себе, то тоже самое и даже больше он мог видеть на виртуальных окнах подземного этажа своего жилища. Бабушка Сергея жила на таком подземном этаже. Сергей жил наверху, но предпочитал обычные стёкла, не желая тратить свои доходы на оптику. Лучше было тратить их на отпуск.

Но здесь, в башне, находящейся на высоте птичьего полета, оптические окна были чем-то совершенно иным. Или он просто отвык от цивилизации?

Тут было такое увеличение, что можно было различить отдельные волны в Кольском заливе.

Но это было лирикой. И само странное строение, и вертолёты рядом с ним были видны прекрасно.

Тут уж от вахт никто никого не освобождал. Ну разве что Сергею досталась вахта с шести до восьми утра, когда он и так бы уже не спал. Но при любых проявлениях жизнедеятельности странного строения его следовало немедленно разбудить.

Сергей засыпал, задумавшись о том, что, возможно, в этом строении вообще никого нет, вертолёты просто забыли, и надо было сразу пойти, осмотреть, что это за штука такая, и всё. Но за полчаса до его вахты его разбудила Ольга.

– Посмотри. Пять минут назад крыша открылась.

За окнами была тьма северного рассвета. То есть было ещё совершенно темно, но это уже не была ночь.

А свет лился из-под открывшихся створок жалюзи странного строения. Вся крыша представляла собой жалюзи. Когда они открылись вверх, крыша превратилась как будто в прожектор.

Даже темноту башни, в которой для светомаскировки свет они не зажигали, довольствуясь свечением стен, накопленным из солнечного света, освещал свет этой крыши.

– Твою мать! – выругался Сергей. Может, это какой маяк для космоса?

– А зачем космосу маяк, особенно при таких тучах? – спросила Ольга.

– Да. И если бы это был маяк, он бы горел всю ночь, а не зажигался бы утром, – опроверг своё первое предположение Сергей. Буди Виталия.

– Что скажешь? – спросил Сергей Виталия, когда тот проснулся и осмотрел этот псевдопрожектор.

– Ничего не скажу. Посмотрим, потухнет ли он днём. Разбудите, – сказал Виталий и снова улёгся на пенодиван.

– Ложись спать, – сказал Сергей Ольге, – мне уже всё равно не уснуть.

Ольга поцеловала Сергея очень страстно, улыбнулась и улеглась на свободном пенодиване.

А Сергей уселся в массирующее кресло и, глядя на светящуюся крышу непонятного строения, стал размышлять о жилищах вегетариан.

Он привык к этим жилищам, и они выглядели для него обычными тогда, когда он жил рядом, но сейчас... Сейчас это уже не выглядело так обычно. И он задумался, почему они такие и какими бы могли быть, если бы архитектором был он.

Это был его обычный способ выявлять странности.

Полу-стеклянные пирамиды, с северной стороны которых жили плотоядные люди, а с южной, со стеклянными внешними стенами – вегетариане, были для высокооплачиваемого чиновничества. Круглые башни типа бубликов из стекло-стали были для среднего класса вегетариан. Там освещённость обеспечивалась системой зеркал. В высший и средний класс вегетариан обычно входили клонированные и вегетариане первого поколения. Пока редко, но всё чаще появлялись в таких домах вегетариане второго поколения. Но третьего – никогда. Семейственности у вегетариан почти не было. После семи лет последнего этапа электронейронного воспитания вегетарианец становился самостоятельным. Он, конечно, ещё учился, но жил уже отдельно от родителей.

Жилище этих вегетариан напоминали стеклянные казармы. Расстояние между кроватями составляло 30 сантиметров, где находилась тумбочка с личными вещами. Проход между

рядами был 70 сантиметров. И всё. И такие поля в несколько гектаров через каждые 24 ряда в одном направлении пересекала пара движущаяся лент с движением в обоих направлениях.

Пока Сергей раздумывал и вспоминал, рассвело. Свет, исходящий из строения, или исчез, или стал невиден, а из строения вышли первые вегетариане. Они были бурыми.

Сергей разбудил всех.

Бурых вегетариан ещё никто из присутствующих не видел.

Цветом они напоминали несколько покрасневших негров, но были светловолосы и, если не обманывала оптика, голубоглазы.

Некоторые были совершенно голые, некоторые в обычной одежде плотоядных людей.

Вышло из строения около двухсот вегетариан.

Они построились в ряды и начали нечто вроде зарядки-танцев. А потом одетые сбросили одежду и все вместе побежали к Кольскому заливу и начали там плескаться, как будто они плескались не в почти ледяной воде, а в августовском Чёрном море или июльском Днепре.

Потом они взбежали к своему строению и вновь начали странный танец.

Сергей и компания глядели на них, как замороженные. Среди них были явно юные особи, но ни одного вегетарианина второго или третьего поколения. Все выглядели совершенно по-человечески.

В это время из строения показалось шестеро зелёных вегетариан. Они тоже выглядели вегетарианами первого поколения, но они не прыгали и не танцевали, а только наблюдали за бурыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.